

Стенограмма совместного заседания руководителей экспертных групп от 26 мая

Я.И.Кузьминов: Доклад экспертной группы №5. Ее руководители Леонид Маркович Гохберг и Игорь Рубенович Агамирзян сделают, как я понимаю, два сообщения о предварительных итогах работы группы. Кто первый?

И.Р.Агамирзян: С вашего позволения я. Добрый день, уважаемые коллеги! На самом деле, основной доклад сегодня представит Леонид Маркович. Я хотел, перед тем как дать возможность Леониду Марковичу рассказать о результатах работы уже с цифрами, графиками, красивой статистикой и т.д., сказать буквально в нескольких словах о некоторых принципиальных подходах, которые были выбраны в процессе работы нашей группы.

И так, на самом деле, в самом начале работы нашей экспертной группы была сформулирована программа работы и, собственно, сейчас на экране выставлено в каком-то смысле оглавление структуры того доклада, который должен быть результатом этой работы.

Хочу отметить, и мы специально показываем эту тему как полного содержания всей работы то, что мы довольно быстро осознали, что проблематика группы горизонтальна и пересекается с темами большинства экспертных групп, входящих в общую работу. Там, на самом деле, есть все связки интерфейса по взаимодействию с другими группами. И мне думается, что один из актуальнейших шагов следующего этапа, это уже взаимное обсуждение и, если угодно, постановка заказа другим группам, информирование других групп о том, какую позицию занимаем мы. Но при этом важно, что в рамках той модели, которая была предложена с формулировкой развилки и, соответственно, построением сценарных моделей, мы пришли к выводу, что вся тематика экономического роста на базе инновационного развития она имеет под собой гораздо более высокоуровневые основания, чем чисто технологические приемы и стимулирование. Организация работы инновационного бизнеса, государственной поддержки инновационного бизнеса, организации науки, образования. Это все важно и нужно, но лично для меня ключевым вопросом является, собственно, «Зачем?». Мы за последние годы настолько привыкли к инновационной риторике, что, практически, никогда не пытаемся даже сформулировать, почему, собственно, так уж необходим переход на инновационное развитие и т.д.?

Представляется, что реально основным вызовом, который существует в этой области сейчас, он, вообще, макроэкономический, а ни в коей мере технологический. То, что та модель вхождения российской экономики в глобальную экономику, которая сформировалась в настоящее время, является чрезвычайно неустойчивой и опасной.

Попросту говоря, практическое отсутствие связи на верхних уровнях цепочек добавленной стоимости и на верхних уровнях переделов то, что Россия стала на сегодняшний день достаточно крупным рынком сбыта и поставщиком продукцией нулевого уровня передела – это, вообще, самая большая угроза экономической безопасности страны. И, соответственно, основным ограничением в процессе модернизации, ориентирующихся на инновации, является в тоже время, в силу своего исторического наследия, является развитой страной с образованным населением и достаточно высоким по мировым меркам уровнем жизни и ВВП на душу населения. Поэтому все то, что делается и, скажем, как развиваются другие страны БРИК, как правило, в реализации таких политик в условиях современной российской социально-экономической действительности несет чрезвычайно высокие риски социальных проблем, социальной нестабильности и т.д.

Но принципиальное и совершенно фундаментальная развилка, на которую мне бы хотелось дать ответ заранее, заключается в том, что для решения этой проблемы существует, то есть, проблему, которую можно сформулировать как экономическая, а,

следовательно, и политическая безопасности страны существует всего два выхода. Один из них, это построение вновь закрытой экономики советского типа, что значит «Железный занавес», и эта модель, во-первых, неприемлема для всех, во-вторых, не очевидно, что реализуема при существующих ограничениях.

Второй вариант – это полная глобализация, открытость российской экономики с включением ее в международные цепочки добавленной стоимости на всех уровнях, а не только на уровнях нижних переделов. Любой промежуточный вариант, на самом деле, неприемлем в силу своей неустойчивости. Нельзя быть наполовину открытым, нужно быть полностью закрытым или полностью открытым. Этот вопрос, на самом деле, фундаментальный и, честно говоря, в данном случае я бы поставил, может быть, как заказ руководству всего проекта о формулировании в явном виде некоторых таких фундаментальных императивов, в каком направлении мы должны все вместе работать. В завершении хочу сказать, что мы очень серьезно отнеслись к предложенной модели работы по базовым развилкам и сценариям, пытаюсь сформулировать именно возможные сценарные модели. И, честно говоря, так получилось, что я не смог лично присутствовать на презентациях других групп, которые проходили, но я посмотрел большинство презентаций, которые уже рассматривались. У меня было такое впечатление, что как раз сценарный подход в них ярко выраженным не был. Если смотреть презентацию в полном объеме, то, что будет Леонид Маркович рассказывать, там он тоже, может быть, в явном виде не обозначен. Тем не менее, все материалы готовились, вся работа шла именно в рамках сценарной модели. И поэтому мне кажется правильным сейчас сформулировать эти самые базовые развилки, которые мы для себя выделили как принципиальные и, соответственно, те сценарии, которые из них вытекают. Фактически, это еще раз подчеркивает тот горизонтальный характер взаимосвязи с другими группами, потому что, вот вы здесь видите, по названиям даже: это образование, это институты, это наука, единственная, так сказать, базовая развилка, связанная с инновационной политикой в чистом виде и это законодательство. Соответственно, инерционный вариант сохранения status quo той политики, которая существует в настоящее время. Радикальный вариант – это то, что может существенно изменить вот эту среду. Понятно, что в любом случае, это не развилка, а коридор возможностей, никогда не будет реализован тот или иной крайний вариант, но в какую сторону крен может происходить в этих областях, собственно, и диктует возможные сценарии. Из этого набора развилок притом, что они приоритизированы, с моей точки зрения, по значимости. Попросту говоря, без существенных изменений в системе образования, вообще говоря, скорее всего не имеет никакого смысла делать ничего остального.

С моей точки зрения, вытекают три сценария, зависящие от выбора по каждой такой конкретной развилки. Инерционный – это сохранение той политики, которая существует сейчас, она явно ведет к медленному экономическому росту с сохранением сырьевой ориентации экономики и зависимость от внешней конъюнктуры и всех тех рисков и угроз экономической безопасности, которые присутствуют на данный момент.

Можно говорить о более умеренном, центристском варианте, базирующемся на постепенном возникновении потенциала развития за счет формирования креативного класса и среды развития. Собственно, если мы сильно трогаем системы образования, институты и науку.

И последний вариант, жестко сформированный, мы условно согласились назвать его «Прогрессорским», но это вариант, в первую очередь, ориентированный на встраивание в глобальную экономику, честно сказать, с явным импортом определенных решений. К сожалению, в текущей политике, на мой взгляд, присутствует в очень заметном виде элементы из всех трех сценариев, которые, в общем, входят в довольно существенные противоречия. Например, неоднозначно воспринимаемый в обществе сколковский проект, это явно пример прогрессорской политики, форсированной за счет импорта достижений и человеческого капитала. Кстати, в Сколково совершенно фундаментальным моментом

является его международность, интернациональность, но при этом, одновременно проводятся и сохраняются очень многие политики, действия и проекты, которые относятся скорее к инерционному сценарию.

Как представляется мне, и мы это обсуждали неоднократно на группе и с моим уважаемым соруководителем, собственно, выбор этого варианта, который, конечно же, не является формально областью деятельности, областью компетентности нашей группы по росту, базирующемся на инновациях, он, тем не менее, должен определить в значительной мере повестку всего дня, а Леонид Маркович уже подробнее расскажет о тех развилках и, соответственно, дальнейших планах работы группы по разработке необходимых инструментов для реализации тех или иных решений. Спасибо.

Я.И. Кузьминов: Спасибо, Игорь Рубенович. Пожалуйста.

Л.М. Гохберг: Добрый день, уважаемые коллеги! Я продолжу ту повестку нашей группы, которую начал представлять Игорь Рубенович. Прежде всего, хотел бы отметить, что по нашему мнению, название нашей экспертной группы, в известном смысле, дезориентирующее, потому что, безусловно, рост на основе инноваций включает стимулирование. А, с другой стороны, мне кажется, что Россия еще не выстроила ту, хотя бы первую стадию инновационной политики, которая предполагала бы, действительно, комплексное, системное, эффективное стимулирование инноваций.

Я чуть подробнее остановлюсь на некоторых результатах нашей работы. Действительно, просто нет технической возможности представить детали. Поэтому я в целом достаточно кратко остановлюсь на основных посылах, из которых мы исходили; скажу несколько слов более подробно, о чем говорил Игорь Рубенович, о ключевых развилках и представлю основные параметры тех пакетов мер регулирования, которые мы, собственно, рассматриваем.

Прежде всего, говоря об ключевых вызовах, следует отметить, что те системные провалы в макроэкономической политике, социальной политике, в политике конкурентоспособности и прочее, мы обсуждаем в рамках работы всех экспертных групп, происходят на фоне достаточно интенсивных и масштабных, глобальных трендов, которые связаны с возникновением радикально новых рынков, с появлением новых технологий, закрывающих старые рынки, с возникновением новых видов экономической деятельности и, связанных с этим, новых сдвигов в занятости, с повышением наукоемкости, далеко не только высокотехнологичных, но и низкотехнологичных секторов, с изменением роли государства и изменением структуры регулирования экономики, нацеленной на инновационный рост, с радикальными изменениями в сфере образования, в социальной сфере и т.д. В этой ситуации то сохранение сильнейшей зависимости от конъюнктуры мирового рынка, связанного с сырьевой ориентацией экономики в условиях такого рода радикальных социально-экономических и технологических трендов, создает колоссальные угрозы для российской экономики. Я здесь привел в качестве последнего примера выдержку из доклада Обамы, который был сделан 30 марта, буквально, недавно, где им было сформулировано задание федеральному правительству: с 2015 года прекратить закупки государством бензиновых автомобилей, во-вторых, ввести стандарты к 2015 году, производства автомобилей с безбензиновыми двигателями, в-третьих, сократить импорт энергоносителей на треть к 2025 году. Соответственно, под это будет развернута новая крупная федеральная программа правительством США.

Такого рода угрозы, которые возникают все с большей и большей частотой и вытекают из политических, разного рода экономических соображений не только не рассматриваются государством, они не рассматриваются и крупными компаниями. То есть, мы в последнее время достаточно тесно взаимодействуем с целым рядом крупнейших компаний ТЭК - никто из них даже не задумывается о горизонте за пределом 5 лет.

Вот эти провалы сочетаются с контринновационными институтами, которые совершенно неадекватны тем потребностям в переходе к инновационному росту и, плюс к этому, если мы добавим долгосрочную систему и неэффективность инновационного комплекса, то мы приходим к выводу о необходимости радикального пересмотра всей повестки социально-экономической политики.

При этом я бы отметил, что в этом плане мы очень сильно отстали от глобальной повестки. Если смотреть на европейский доклад об инновационной политике 1995 года, а это уже, считайте, более 15 лет, которые заложил основы радикальных изменений в инновационной политике европейского союза и стран-членов, мы понимаем, что здесь уже вот эти разрывы в известной степени могут стать непреодолимыми, если мы радикально не пересмотрим нашу повестку.

Фрагментация инновационной сферы тоже приобретает уже такие, я бы сказал, очень серьезные структурные эффекты. Причем эти разрывы, мы назвали их инновационными разрывами, они, собственно, наблюдаются по всем основным векторам. Как между разного рода отраслями и мы, собственно, наблюдаем в этом плане многоукладность не только экономическую, но и многоукладность технологическую, инновационную, и это создает как бы внутри одной национальной экономики совершенно разные технологически ориентированные сектора.

Институциональные разрывы между всеми игроками в инновационной сфере между наукой, бизнесом и государством, сферой образования и так далее.

Серьезнейшая поляризация регионов по показателям инновационной деятельности создает совершенно новый запрос на специальные меры социальной политики в отношении инноваций.

И, наконец, социальные разрывы. Здесь колоссальная дискриминация очень значительных социальных групп с точки зрения их доступа к инновациям, а, соответственно, и угроза, касающаяся в общей степени участия общества в этих изменениях, о которых мы говорим. В этом плане, мы полагаем, что переход к инновационной экономике является безусловным императивом. Причем это переход, который будет осуществляться в условиях интеграции России в глобальную экономику. Это тоже процесс неизбежный. И степень осознания этого вызова, его реализации в экономической политике будет, собственно, в значительной степени определять ее успехи. Точно так же мы считаем императивом обеспечение комплексности инновационной политики. Половинчатость реформ, точечность каких-то мер политики, которую мы наблюдаем в течение уже 20 лет, показывает, что вне системы они не дают серьезных эффектов, часто вообще не завершаются, и собственно, государство очень часто эти меры бросает по середине пути, сохраняются очень серьезные лакуны. И все это, собственно, ведет к расширению и обострению вот этих зон неэффективности. Кроме того, в самом начале дискуссии по вот этой нашей «Стратегии 2020» одному из руководителей Правительства был задан вопрос о том, а можем ли мы собственно предлагать какие-то инструменты к отмене? И вот здесь мы намерены предложить целый набор таких инструментов в существующей политике, в сочетании с которыми эффективная инновационная политика, на наш взгляд, невозможна. Таких примеров масса. Я вот здесь назвал только 4 крупных зоны, которые радикальным образом влияют, тормозят, скажем, инновационное развитие. Это – практика администрирования налоговых льгот, таможенные барьеры, институт госзакупок и сметное финансирование науки вне связи с результатами. Это только, это частные, безусловно, примеры. Список этот можно продолжить.

Целью инновационной политики мы полагаем обеспечение устойчивого социально-экономического прогресса на базе инноваций в условиях глобализации. Здесь каждое слово мы считаем существенным. И комплексную ориентацию политики, не только на, собственно, в узком смысле, экономический рост, но и на обеспечение благосостояния

общества. И вот этот глобальный аспект. И, кроме того, и об этом Игорь Рубенович говорил, собственно, инновации являются фактором, а не самоцелью. В качестве задач мы выделяем 3 крупные задачи. Это – изменение качества экономического роста. Это – превращение инновационной деятельности из затратной, каковой она сегодня и является и для государства, и для бизнеса, в прибыльную. Причем в прибыльную и в плане обеспечения ее эффективности, и в плане ее содержания. И, наконец, вовлечение общества в инновационную деятельность и формирование инновационного общественного сознания, что, кстати говоря, никогда ни в одном из документов российской научно-технической инновационной политики последних 20-ти лет, вообще говоря, так по большому счету, серьезно не поднималось. Принципиально важно при формулировании направлений и инструментов инновационной политики учитывать, что, как минимум, она будет реализовываться в рамках определенного контекста, где, как минимум, выделяются 3 ключевых фактора. Во-первых, это объективная интеграция в мировые рынки и отсюда задача встраивания в глобальные технологические цепочки со всеми вытекающими отсюда последствиями. Бюджетные ограничения, о которых уже много говорилось в рамках целого ряда экспертных групп нашими коллегами. Но здесь интересная ... здесь такая возникает своего рода петля. С одной стороны бюджетные ограничения влекут за собой сокращение возможностей вливания бюджетных средств в инновационную сферу. А ответом на это должны стать меры по привлечению средств бизнеса в сферу науки и инноваций, в том числе иностранных инвестиций. Это специальный аспект, который я хотел бы подчеркнуть. Что в свою очередь может привести к ослаблению вот этих бюджетных ограничений в дальнейшем.

И, наконец, парадигма эффективности. Ужесточение ресурсных ограничений, безусловно, требует пересмотра приоритетов в инновационной сфере. И во главу угла должны быть поставлены технологические организационные инновации, ориентированные на ресурсосбережение, рост производительности труда, энергоэффективности и тому подобное. Мы уже говорили о том, что, Игорь Рубенович и я, о том, что мы очень сильно пересекаемся с другими экспертными группами. Вот здесь представлен такой укрупненный пакет направлений связанный с формированием благоприятной институциональной среды. Это те аспекты, которые мы должны обсуждать с целым рядом других групп. Но общеизвестно, я даже не буду это комментировать, из литературы, из успешных практик, что собственно инновационная деятельность начинается с макроэкономической стабильности и с конкуренции. Поэтому здесь очевидная... необходимость очевидных стыковок с другими экспертными группами. Я не буду комментировать этот список.

Теперь, каков же, собственно, современный этап формирования инновационной политики? Да, действительно, инновационная политика декларируется государством в числе своих приоритетов. Предпринимаются различные попытки того или иного рода по поддержке науки и стимулированию инноваций, вовлечению в инновационную сферу все новых и новых игроков. Последние, скажем, меры, связанные с поддержкой ВУЗовской науки и инновационной инфраструктуры ВУЗов с вовлечением инноваций, вовлечением госкомпаний в инновационную деятельность, продолжающийся рост бюджетного финансирования науки, кстати говоря, беспрецедентный по своим темпам. Даже в сравнении с самыми развитыми странами, я чуть позже об этом скажу. Но в то же время, мы не имеем сегодня серьезной стратегической долгосрочной повестки в этой сфере. Отсутствие видения и четко сформулированных целей и инструментов их достижения, множественность и нескоординированность инновационных сигналов, ведомственная разобщенность, отсутствие, даже если хотите, отсутствие скоординированной системы бюджетного планирования в этой сфере. Колоссальная проблема, на мой взгляд, - это скорость принятия решений. Любые более или менее серьезные новации в инновационной политике последних лет обсуждались, как минимум, ну не менее пяти, а то и десяти лет.

Любую тему, которую мы могли бы там назвать, налоговые льготы, исследовательские университеты, особые экономические зоны и так далее. Все это длится... обсуждения эти идут годами. Заканчиваются они, как правило, весьма половинчатыми такими, незавершенными решениями. Многие из этих решений до конца не доводятся. В итоге, я бы сказал, что мы вместо реальных инструментов институтов инновационной экономики имеем такие институциональные муляжи своего рода. Мы назвали это макетным характером институтов. А скажем если посмотреть на инструментарий российской научно-технической инновационной политики, мы увидим там все правильные слова, которые существуют, собственно, во всех развитых странах. Но практически ни один из этих инструментов ни по содержанию, ни по своей имплементации не соответствует таким лучшим практикам. Крайне медленно меняется, иногда не в лучшую сторону, бизнес-среда и инвестиционный климат. Вот эти бросания из стороны в сторону в налоговой сфере – очень серьезная проблема. Это завышенные ожидания. Ожидается, что вот можно какими-то рывками или скачками достичь существенных устойчивых результатов в инновационной сфере. Но здесь принципиально важно понимать, что переход к инновационной экономике – это долгосрочный процесс, который вряд ли будет в полной мере реализован к 2020 году. Поэтому, соответственно, и сама система политики, и ее инструменты должны выстраиваться в определенной динамической перспективе.

Теперь, я бы специально хотел отметить ряд мифов. Это очень важно для правильного понимания и ситуации и, собственно, тех рекомендаций, которые мы хотим предложить. Прежде всего, есть такая известная точка зрения о тотальной неинновационности российской экономики.

Меня просто резанула дискуссия, которая была на одном из совещаний у председателя Правительства. Когда руководитель одной из экспертных групп сказал о том, что у нас нет вообще никаких инноваций, об этом вообще говорить смешно. Ну, ряд коллег, присутствующих здесь, при этом был. Я считаю, что это просто абсолютно дезориентирующее заявление, абсолютно дезориентирующее представление о реальной ситуации в инновационной сфере, потому что 600-700 миллиардов рублей расходов предприятий на инновационную деятельность из своих собственных средств. Причем, что интересно, эти затраты на инновации из средств предприятий за период кризиса в абсолютных ценах выросли. Это вообще такая феноменальная на самом деле тенденция, существенным образом просто радикально опровергает вот это представление о неинновационности российского бизнеса. Просто мы не видим этот инновационный бизнес. Я чуть позже скажу почему. У нас считается в то же время, что у нас есть много разных инструментов активной поддержки инновационной деятельности компаний, я уже говорил об этих муляжах институтов. И чуть позже еще об этом скажу. Есть точка зрения о чрезмерности затрат на науку. Да, действительно, темпы роста затрат на науку в России беспрецедентно высоки даже в условиях кризиса. Но, тем не менее, при том, что бюджетные расходы на гражданскую науку, скажем, за 15 лет выросли в четыре раза в абсолютном выражении. Тем не менее, они не достигли еще и 60% того уровня, который был в Российской Федерации в 1990 году. Возможность построения замкнутой инновационной системы в условиях глобализации, различного рода проекты, поддерживаемые в таком русле определенного протекционизма, на мой взгляд, тоже, в общем, являются мифами, потому что пока что ни один из таких проектов реальных результатов не дал. Никакие технологически новые конкурентоспособные инновационные продукты ни из одного из таких проектов на рынок пока не вышли в более или менее значимых масштабах.

Приоритет технологических инноваций над нетехнологическими. Государство вообще не видит нетехнологических инноваций. И, так сказать, вся практика успешных инноваторов и российских, и международных показывает, что технологические инновации без нетехнологических, без организационных, маркетинговых и так далее инноваций, просто

неосуществимы. Кроме того, очень часто вся риторика российской инновационной политики ориентирована только на прорывы, на радикальные технологические инновации и прочее. Хотя на самом деле, известно, что, собственно, основной поток инноваций, так называемый, инкрементальные улучшающие инновации, разного рода усовершенствования и прочее, собственно, они и дают основную массу экономических эффектов.

Субсидирование традиционного хай-тека - еще один миф. Эта та сфера, которая поглощает основные ресурсы государства. И эффективность свою до сих пор никак не продемонстрировала. Скажу чуть позже об этом.

Теперь о ключевых развилках. Здесь мы развилки рассматриваем скорее не как альтернативы, а как коридор возможностей. И собственно позиционирование внутри этого коридора по отношению к той или иной его границе, на наш взгляд, будет определять собственно структура инновационной политики и, в конечном счете, ее эффективность. Прежде всего, первая развилка касается модели инновационной политики. Первый вопрос здесь, продолжать ли поддержку отдельных технологических проектов в рамках тем или иным способом выбранных тематических приоритетов? А это по-прежнему решать точные решения верхнего уровня, по-прежнему попытки ручного управления в инновационной сфере. Или все-таки массовые инновации во всех секторах экономики и создания благоприятной среды для неинновационных компаний и неблагоприятной для инновационных. Мы специально подчеркиваем вот эту неблагоприятность условий для неинновационных компаний, поскольку ситуация сегодня совершенно нейтральная.

Реплика в зале без микрофона (0:34:08).

Л.М.Гохберг: Ну, да, тем более. И, собственно, когда мы, скажем, анализируем результаты обследования инноваций, каждый раз встает вопрос: «Почему собственно там 90% рентабельных предприятий не занимаются инновационной деятельностью?» То есть, вопрос стоит не в том, почему другие занимаются скорее инновационной, а вот ровно в обратном.

Следующая здесь же тема, это - жесткая иерархическая организация политики или все-таки перераспределение полномочий государства в пользу бизнеса регионов институтов развития и максимально возможное стимулирование сетевой кооперации на всех уровнях. И, наконец, уход от универсальности инструментов и дифференциация политики по секторам и по типам инновационных компаний.

Следующая ключевая развилка касается рынков. Я уже эту тему упоминал. Это выбор между продолжением приоритетной поддержки высокотехнологичных секторов предыдущей технологической волны. Это авиастроение, атомная энергетика, космос в том виде, в котором он сегодня есть. Либо все-таки ориентация на новые растущие рынки, на следующую технологическую волну, включая и новый хай-тек, и сферу услуг, и «технологии зеленого роста», и прочее. Сюда же, на наш взгляд, примыкает принципиально важная тема содействия развития инноваций в низкотехнологичных секторах и стимулирование нетехнологических инноваций.

Вопрос о приоритетах инновационной политики. Сегодня она полностью определяется политической повесткой. Достаточно назвать, скажем, 5 направлений технологической модернизации, на мой взгляд, необоснованных экономически никоим образом, распределение денег по крупным инновационным проектам сверху вниз, а не снизу вверх, и выбор тематических приоритетов, которые на наш взгляд, с одной стороны не полны, с другой стороны не отвечают на провалы в инновационной сфере. В качестве альтернативы можно рассматривать стимулирование инноваций в интересах, исходя из экономических, прежде всего, а не политических критериев, то, что мы назвали инновациями для бизнеса плюс широкий спектр инновационных инструментов по поддержке инноваций в интересах общества, инклюзивных инноваций. Я тоже специально на этом остановлюсь. И

в дополнение к тематическим приоритетам принципиальный акцент на функциональные приоритеты, на те провалы в инновационной системе, которые носят, ну, такую... очень серьезный тормозящий характер. Это развитие отдельных видов инновационной деятельности в России практически не представленных, что не позволяет, вообще говоря, серьезно конкурировать с нашими инновационными проектами даже не только на глобальных рынках, но и на внутреннем рынке. Скажем, это дизайн, инжиниринг, это сетевая кооперация и инструменты трансфера технологий, и безусловный приоритет подготовки кадров для инновационной сферы.

В сфере науки выбор, на наш взгляд, достаточно очевиден. Это продолжение нынешней практики с консервацией базовых институтов и отдельные точечные улучшения, либо это все-таки комплексная реформа науки в увязке с оценкой результативности деятельности научных организаций. На мой взгляд, мы потеряли 20 лет в сфере науки и те, весьма эффективные, такие прогрессистские институты, которые были созданы в первой половине 90-х годов, скажем, фонды поддержки науки, государственные научные центры и еще целый ряд институтов. Они очень существенным образом деградировали в отсутствие вот этих комплексных реформ и они маргинализировались, я бы сказал, и в институциональном плане и в плане своих эффектов.

В сфере подготовки кадров коридор, на наш взгляд, состоит... коридор заключается в пространстве между такой ситуационной настройкой программ подготовки профессиональных кадров в соответствии с какими-то разовыми... в соответствии с осознанием разовых каких-то потребностей или запросов со стороны экономики. Либо все-таки существенные изменения образовательных программ и интенсификация развития профессиональных компетенций. И здесь мы, безусловно, рассчитываем на поддержку группы по рынку труда и профессионального образования.

Чуть подробнее о нескольких вот таких ключевых развилках. Модель инновационной политики. Выбор между поддержкой отдельных проектов в ручном режиме либо все-таки стимулирование массовых инноваций и серьезными институциональными реформами. Да, мы понимаем, что вот эта комплексная институциональная реформа, которая требуется для реализации вот такого рода выбора, связанного с массовыми инновациями во всех секторах экономики, столкнется с серьезным сопротивлением со стороны руководителей крупнейших компаний и региональной бюрократии, зависящей от них. Отрасли и компании предыдущей технологической волны, которые являются адресатами вот такого рода целевой поддержки сегодняшнего типа, тоже, безусловно, будут незаинтересованы в переключении вектора инновационной политики. С другой стороны, вот преодоление такого рода барьеров для развития инноваций и появления тем самым в России массовой социально-экономической базы для формирования инновационной экономики, возникновение новых влиятельных групп игроков в этой сфере, включая и малый инновационный бизнес и крупные компании-технологические лидеры, которые у нас сегодня отсутствуют, будет серьезным контрбалансом в этом плане, что позволит все-таки обеспечить устойчивое развитие инновационной сферы и ее, так сказать, вклада в экономический рост. С другой стороны, по нашему мнению, продолжение сегодняшней практики не даст никаких серьезных системных эффектов, и не позволит никоим образом сократить фронтальное технологическое отставание от развитых стран. И более того, не позволит и остановить отток за рубеж. При чем раньше мы говорили об оттоке за рубеж кадров и технологий. Сегодня мы уже наблюдаем отток за рубеж инновационного бизнеса.

Отраслевые приоритеты инновационной политики. Если посмотреть на распределение расходов на гражданскую науку с одной стороны, а с другой стороны – структуру инновационной продукции по секторам экономики, то мы увидим, что вот эти сектора предыдущей технологической волны (авиастроение, космическая промышленность, атомная энергетика) поглощают более трети всех бюджетных расходов на гражданскую науку. При этом их вклад в объемы производства инновационной продукции не

превышает 10%. В то же время те сектора, которые являются наиболее инновационно активными и совсем необязательно принадлежат вот к этой... к этому классу, так сказать, предыдущих технологических лидеров, лидеров предыдущего поколения находятся совершенно вне поля внимания государственной инновационной политики. И в этом смысле, конечно, вот эти растущие... растущий класс представителей новых экономик, безусловно, не будет проponentом, и не будет поддерживающей группой для продолжающейся такой традиционной политики в высокотехнологичных отраслях. На наш взгляд, усилия... вот эта попытка изолированного технологического перевооружения отдельных секторов промышленности в ущерб рынкам будущего, безусловно, усиливает специализацию России на рынках вчерашнего дня без перспектив выхода на глобальные технологические рынки и консервирует технологическую зависимость от стран-технологических лидеров.

Соответственно, следующим, вытекающим отсюда вопросом, является вопрос о дифференциации инновационной политики, во-первых, по секторам, и, во-вторых, по режиму инновационного поведения компаний. Что касается секторов, то вот здесь представлены различного рода варианты в отношении тех или иных групп секторов экономики и тех или иных технологических направлений, которые существенным образом различаются по своему уровню конкурентоспособности, по своему позиционированию на национальных и глобальных рынках, по тенденциям и возможностям технологического развития. Поэтому, на наш взгляд, такая секторальная настройка инновационной политики, своего рода является своего рода инновацией в российской инновационной сфере и, безусловно, необходима с тем, чтобы обеспечить, ну, скажем, в сырьевых секторах движение вверх по цепочке добавленной стоимости и повышению эффективности производства и продукции с одной стороны. С другой стороны для формирования совершенно новых рынков для растущих секторов и развивающихся технологий, которые в свою очередь могут стать продуцентами технологий для модернизации следующего... для следующего, так сказать, технологического передела, для модернизации еще более широкого круга традиционных секторов экономики. Следующий вопрос, я уже говорил об этом, о дифференциации политики по типам инновационного поведения компаний. Вот наши многолетние исследования показывают, что инновационные компании существенным образом различаются по своему участию в процессах создания и передачи знаний, по степени новизны инновационной продукции, по ориентации на те или иные рынки. Эта устойчивая картинка распределения российских инновационных компаний по различного рода режимам их инновационного поведения. Эту картинку надо читать справа налево, против часовой стрелки, если хотите, начиная от технологических заимствований и заканчивая самым передовым классом инноваторов, работающих на международных рынках. Как я уже сказал, картина эта очень устойчивая, она предполагает запрос на разного рода инструменты политики, применительно к разным моделям поведения компаний. А игнорирование этого факта, собственно, приводит к неэффективности принимаемых мер, непредсказуемости результатов и, в общем, в конечном счете, к негативным эффектам.

Следующий вопрос – это функциональные приоритеты. Я их уже упоминал. Они позволяют не только преодолеть разрывы в инновационном цикле, но могут рассматриваться в качестве такой средней, если хотите, умеренной модели реформ, как инструменты, обеспечивающие накопление институциональных изменений. Прежде всего, это касается ликвидации пробелов в инновационном цикле в сфере инжиниринга, дизайна, создания центров испытаний. Это вообще колоссальная проблема, которая сегодня в целом ряде технологических секторов вообще не позволяет осуществлять какие бы то ни было технологические изменения. Ну, скажем, в России сегодня нет ни одного испытательного центра для катализаторов. Это радикальным образом сдерживает развитие всей нефтеперерабатывающей промышленности, и химической промышленности в большой степени. А создание такого рода установок стоит миллиарды

долларов. Государство об этом серьезно не задумывается. Все российские крупнейшие компании обращаются в испытательные центры, ну как минимум, во Францию, а то и в Соединенные Штаты. В общем, это, безусловно, сдерживает развитие, технологическое развитие сырьевых секторов экономики. Это как один из частных примеров. Вот здесь самые разные меры предложены. Это, безусловно, не полный список мер, потому что мы представили только ключевые, касающиеся развития разного рода институциональных структур в сфере трансфера технологий. Национальная программа стажировок молодых ученых и инженеров в передовых компаниях российских и зарубежных. Национальная инфраструктура стандартизации и сертификации, центры научно-технической информации совершенно провальная область в российской инновационной сфере. Далее мы предлагаем 5 крупных пакетов мер инновационной политики, то, что называется такие настраиваемые пакеты на решение тех или иных задач. Я их быстро перечислю, а дальше чуть-чуть подробнее на них остановлюсь. Во-первых, это меры, направленные на расширение спроса на инновации, поддержка предложения, развитие инфраструктуры, преодоление дефицита кадров и вовлечение общества в инновационную деятельность. В части, касающейся стимулирования спроса на инновации, мы выделяем 5 типов инструментов. Это государственные закупки и переход к системному стимулированию инновационных рынков в приоритетных областях. При этом я не буду это все детализировать. У нас есть очень детальное предложение по конкретным этим пакетам, причем предложение это в таком формате квази-дорожных карт, то есть, эшелонированные во времени.

Следующий блок – это прямая поддержка рыночного спроса, ориентированных, прежде всего на комплекс адресных мер по поддержке лидеров, через разного рода прямое либо косвенное стимулирование. Косвенная поддержка спроса может осуществляться через механизм распространения лучших практик, разного рода регуляторы, связанные со стимулированием модернизации производства, внедрением ресурсо-энергоэффективных технологий, повышением стандартов, развитием технического регулирования и другие механизмы. Специальный блок, связанный с формированием инновационного лифта, включая инновационную ориентацию крупных инфраструктурных проектов с инструментами частно-государственного партнерства, включая, скажем, обязательный технологический аудит всех инфраструктурных проектов с участием государства, поддержку роста так называемых территорий инновационного развития и прочее. Теперь, что касается предложения инноваций. Вот, здесь представлена пара иллюстраций, демонстрирующих весьма противоречивую ситуацию в этой сфере. С одной стороны – рост прямой государственной поддержки, как я уже говорил, отмечен в беспрецедентных масштабах. Это гораздо более высокие темпы роста финансирования науки, чем во всех развитых странах - в 4 раза за последние 10-15 лет. Часто звучат аргументы о том, что мы стартовали с очень низкой точки, и это некая компенсация провала в 90-х годах. Но, должен сказать, что эту проблему мы в известной степени преодолели, поскольку сегодня объем бюджетных расходов на науку в России находится на уровне, который выше, чем в Великобритании. Мы приближаемся к уровню Франции, и это весьма серьезная иллюстрация достигнутых масштабов. При этом из года в год мы спускаемся вниз по всем показателям конкурентоспособности, результатов научной и инновационной деятельности. Во-первых, мы вдвое или втрое спустились за последние 20 лет по всем рейтингам по продуктивности российской науки, по доле российских ученых в общем объеме публикаций в научных международных журналах, - это сегодня уже менее 2 процентов. У нас стагнирует поток патентов, и я не говорю сейчас даже об их качестве. При этом колоссальный рост финансирования выглядит в то же время как недофинансирование в сравнении с началом 90-х годов. Я уже говорил о том, что мы и 2/3 не достигли от уровня финансирования науки России в тот период. Что же касается технологических результатов, то ярким примером могут послужить так называемые

«триадные» патентные семьи. Есть такой индикатор, - он касается самых дорогих и перспективных изобретений, которые патентуются одновременно на трех крупнейших технологических рынках – в США, Японии и Европе. В России число таких «триадных» патентов составляет 66, а в Китае, например, их ровно в 10 раз больше. Даже в такой маленькой экономике, как израильская, их в 9 раз больше, чем в России. По объемам экспорта технологий мы примерно в 5 раз отстаем от Венгрии, а по доле на мировом рынке высокотехнологичной продукции, которая сегодня с трудом достигает четверти процента, мы уже не попадаем в рейтинги, так скажем, находимся за рамками полей таблиц, которые печатают международные специализированные издания. В существенной степени это связано с архаичностью институтов, - у нас сохраняется ровно та же самая институциональная структура науки, которая была актуальна 30 лет назад. Даже на фоне вливаний в вузовскую науку, которые произошли за последние 5-7 лет, доля ВУЗов в затратах на исследование и разработки в России не превышает 7 процентов. Ровно такая же цифра была в СССР в 1990 году, а доля предприятий также находится на уровне 7-8 процентов. Все остальное – это самостоятельные научные организации – научно-исследовательские институты и конструкторские бюро, - которые изолированы и от образования и от реального сектора экономики. То есть институциональная структура науки сегодня не обеспечивает трансляции затрат в конкурентоспособные результаты, соответственно, детерминирует утрату конкурентных позиций и невозможность интеграции в мировую науку. Мы можем это констатировать. В качестве источников предложений и инноваций мы предлагаем не ограничиваться только сферой науки, а рассматривать как равные возможности четыре потенциальных источника инноваций. Если говорить о науке в узком смысле слова, то она должна уметь конкурировать с другими источниками инноваций за ресурсы. Это достаточно новая тема для российской научно-технической инновационной политики. При этом мы, безусловно, полагаем, что это ответ на некоторые дискуссии, которые идут в экспертном сообществе по поводу заимствований или собственной науки. Мы считаем, что говорить о долгосрочной конкурентоспособности экономики в целом и инновационной сферы в частности невозможно без развития собственного сектора исследований и разработок. Другое дело, - как его развивать, какие должны быть сформулированы для этого приоритеты, какие институты будут наиболее эффективными, - это уже специальный вопрос. Тем не менее, наряду со сферой науки белым пятном в инновационной политике России остаются улучшающие инновации. В том числе то, что в советское время называлось изобретательством и рационализаторством на базе производственного опыта. В Японии это в свое время дало колоссальный эффект. Там еще в 60-е годы были созданы специальным режимы стимулирования для массовых улучшающих технических решений. Это импорт и адаптация готовых технологий, безусловно. По крайней мере, на ближайшем отрезке времени здесь требуется существенная оптимизация режимов регулирования, включая и налоговую и таможенную, и амортизационную политику. Нужна локализация инновационных производств, причем движение вверх по цепочке создания стоимости от импорта компонент к локализации сборочных производств – режим полной сборки (то, что сегодня начало переходить в сферу промышленной политики), и затем переход к собственно производству технологий и технологически передовых продуктов. Что касается сферы исследования и разработок, здесь возможны три варианта поведения. Сохранение статуса-кво, то есть точечных отдельных решений при сохранении базовых институтов. На мой взгляд, это вполне возможная тактика, но она не даст никаких устойчивых результатов, мы это видим, собственно. Средний вариант – это целевая поддержка лучших национальных исследовательских центров, ведущих университетов, продолжение поддержки вузовской науки. Это своего рода «кнут» для принуждения компаний к инвестициям в науку и в инновационную деятельность и развитие кооперации между различными субъектами научной инновационной деятельности. Третий вариант более радикальный. Это комплексная реформа сектора

исследования и разработок, которая предполагает, прежде всего, ориентацию на оценку результативности деятельности научных организаций, как это принято в международной практике по «гамбургскому счету» и поддержка лучших организаций. Эта мера должна быть дополнена программой целевого выращивания конкурентоспособных научных коллективов на прорывных направлениях фундаментальной и прикладной науки. Кроме того, нужна реструктуризация государственного сектора науки и санация неэффективных организаций, утративших свой профиль. Я неоднократно называл эту цифру, и, на мой взгляд, она просто шокирующая, - когда 40 процентов людей, занятых в научной организации, не имеют высшего образования, говорить о том, что это научная деятельность, становится невозможным. Это понятно. Диагноз очень простой, - это просто хозяйственная эксплуатация зданий и сооружений совершенно в других целях. Они могут быть вполне благородными, но никакого отношения к науке уже не имеют. Государство должно это осознать, признать и действовать с учетом такого рода реалий. Новая модель фундаментальной науки - еще один ключевой элемент реформы. Под новой моделью мы понимаем, как минимум, устранение ведомственности, изоляции академического сектора, открытость национальной программы фундаментальных исследований, переход от программы фундаментальных исследований Академии наук к Национальной программе, усиление конкурентности финансирования фундаментальных исследований и существенный рост доли научных фондов для поддержки инициативных проектов и передовых коллективов, а не только организаций. Паллиативным вариантом здесь может быть так называемая китайская модель, которая была реализована в Китае уже 10 лет назад. Она предполагала решение нескольких задач одновременно. Во-первых, была существенным образом сокращена сеть академических институтов в Академии наук Китая, прежде всего, за счет ее прикладного сегмента. Эти институты были переданы в компании и частично в университеты, и потом была создана государственная программа фундаментальных исследований, которая предполагала двухуровневую организацию. Прежде всего, организации из академического сектора, конкурирующие между собой на равных, должны пройти сначала предквалификацию определенным образом и получить право на участие в программе фундаментальных исследований. Только после этого организации конкурируют за конкретные проекты и программы фундаментальных исследований в рамках соответствующих конкурсов. Это возможная модель, - она тоже требует анализа.

Что же касается компаний, то политика «кнута», которая была начата в течение последнего полугодия, как принуждение государственных компаний к росту расходов на исследования и разработки, должна быть дополнена. Дополнить ее необходимо «пряниками» в виде элементов технического регулирования, стимулирующих инновационные прорывы в тех или иных секторах, налоговыми льготами разного рода и системой инновационно ориентированных государственных закупок. И, наконец, принципиальный вопрос. Это сетевая кооперация между всеми игроками инновационной системы. Первые ростки такого рода кооперации уже сегодня заложены, - это попытки поддержки кооперации вузов и компаний - с одной стороны, с другой стороны - технологические платформы. Но в отношении всех этих инструментов, к сожалению, нет никакой ясности и стратегии в направлении обеспечения их устойчивого существования за рамками бюджетных проектов, которые сегодня были сформированы для реализации этих инструментов.

Теперь о развитии инновационной инфраструктуры. Здесь проблема достаточно очевидная. Она заключается в том, что те довольно существенные вливания, которые произошли в сферу инновационной инфраструктуры за последние 20 лет, собственно, натолкнулись на отсутствие рынка для этих элементов инновационной инфраструктуры. Так произошло, потому что их роль в качестве посредников была никак не востребована, и до сих пор не востребована ни производителями знаний в лице научных организаций и университетов, ни, собственно, продуцентами инноваций в лице предприятий реального

сектора экономики. Скажем, обследование инноваций в течение 15 лет показывают, что компании рассматривают организации инновационной инфраструктуры в качестве источников инноваций в минимальной степени. То есть они занимают последнее место во всех рейтингах источников инноваций для компаний. Кроме того, политика развития инновационной инфраструктуры последних 15 лет была непоследовательной, - все время менялись объекты и цели. На мой взгляд, ни одна из этих программ эффективным образом реализована не была. Развилка здесь, на наш взгляд, достаточно простая. Это продолжение практики точечного создания новых элементов инновационной инфраструктуры, а их было много. Те, кто занимается этим вопросом, уже слышали все эти слова: и центры трансфера технологий, и коучинг-центры...

Все эти объекты инновационной инфраструктуры необходимо перекладывать на новые приоритеты инновационной политики, прежде всего, приоритеты не тематические, а функциональные, о которых я уже говорил. И, как первоочередная роль инновационной инфраструктуры – это развитие инновационного предпринимательства на всех уровнях, поддержка частных инициатив, построение открытой системы трансфера технологий, кстати, включая создание центров открытых инноваций разного рода с вовлечением крупного бизнеса и обеспечение площадок для научно-технической инновационной деятельности каких-то независимых исследовательских групп, инновационных команд и так далее.

Очень серьезный вопрос – сфера интеллектуальной собственности. Глобальные тренды сегодня таковы, что формальные методы защиты интеллектуальной собственности все больше утрачивают свою традиционную роль. В первую очередь все большее значение приобретает скорость реализации инноваций по сравнению со скоростью патентования. Как одна из мер защиты интеллектуальной собственности сегодня доминирует, точнее, приобретает все большее значение в высокотехнологичных секторах - это усложнение конструкции и дизайна технологических объектов. Этого в российской практике мы совершенно не наблюдаем. Вся государственная политика крутится вокруг защиты интеллектуальной собственности, созданной за счет бюджетных средств. У нас не возникает новых игроков, поскольку государство просто полностью эту сферу монополизировало. Имеются ввиду игроки в виде технологических брокеров, в виде своего рода посреднических компаний, которые вращаются на рынке интеллектуальной собственности, вернее, должны вращаться. Теперь вопрос о том, а что, собственно, мы охраняем. Это очередной миф инновационной политики, я говорил о таких мифах. Это еще один из них. Вот, уже почти 15 лет длится дискуссия по охране прав на объекты интеллектуальной собственности, созданной за счет средств государства. При этом здесь приведены конкретные цифры, которые этот миф полностью разрушают. Таким образом, 70 процентов изобретений – это поддержка существующих видов техники и технологий, либо их незначительное усовершенствование. Эти изобретения полностью замкнуты на внутренний рынок и только 10-13 процентов поступлений от продажи технологий связано с экспортом. Организации, являющиеся держателями этих прав от имени государства, на самом деле очень плохие, неэффективные собственники. То есть государственные организации обеспечивают только 8 процентов договоров на продажу лицензий, при этом держа 90-процентный пакет на них. Если же говорить о конкурентоспособности этих объектов интеллектуальной собственности, то в экспорте российских технологий чуть менее 3 процентов составляют такого рода объекты. Все остальное – это инжиниринговые услуги либо незащищенные результаты научных исследований. А доля России в патентах, выданных в европейском патентном ведомстве и в американском патентном ведомстве, не превышает 0,1 процента уже в течение очень длительного периода времени. Поэтому рамочная развилка здесь тоже достаточно очевидная. Либо это режим защиты интеллектуальных средств для собственника, которым по-прежнему выступает государство, либо все-таки это организация системы защиты прав интеллектуальной собственности и ее эффективного распространения на рынке в

интересах производителей инновационной продукции и технологий. То есть – ориентация на спрос, а не на защиту как самоцель. Инструменты здесь тоже известны. Первый из них, на мой взгляд, - это безусловная амнистия в сфере интеллектуальной собственности в плане передачи прав разработчикам, в том числе и в сфере безопасности. Нужны также серьезные акценты на создание патентных судов, и даже президент в этой связи о них говорил. Я не буду рассказывать о проблеме кадров, я также ее упоминал. Это вопрос в большей мере повестки экспертной группы по рынку труда и профессиональному образованию. Мы хотим лишь здесь подчеркнуть, что со стороны инновационной сферы существует очень серьезный запрос на существенные изменения в сфере программирования подготовки кадров на интенсификацию развития профессиональной компетенции, прежде всего, связанной с инновационной культурой и инновационным мировоззрением.

Еще одна тема, которая никогда до сих пор не звучала в пространстве российской дискуссии об инновационной политике – это так называемые инклюзивные инновации. Я уже коротко говорил о социальных разрывах в инновационной сфере. У нас есть огромное количество самых разных, весьма уязвимых категорий населения. Цифры эти колоссальные. Понятно, что эти категории пересекаются между собой по своему наполнению, но, тем не менее, это очень значительные группы населения, которые практически изолированы от инноваций. Причем, не только от масштабных технологических инноваций таких, как доступ к Интернету, но и простых самых тривиальных технических решений, которые необходимы для выживания и нормального быта. Отсюда огромный рынок в инновационной сфере для бедных, где главным драйвером к инновациям является ценовая конкуренция, а не качество. К этому стоит добавить еще и крайне консервативный тип поведения населения. Мы делали многократно замеры разного рода моделей инновационного поведения населения в России в сопоставлении с зарубежными странами. Получилось, что российский столбик здесь самый последний.

Реплика: Самое интересное, коллеги, что мы регулярно выдерживаем колоссальные битвы в попытках реформировать общеобразовательную школу. Тут же встает Российская академия наук и говорит «биологию не дадим, - это наше сравнительное преимущество!» В том числе и весь этот защищаемый комплекс предметов, как то химия, биология, география, за который люди бьются, как на баррикадах Парижа. А вот эффект этих битв и универсального преподавания естественных наук в общеобразовательной школе. Нигде больше, чем у нас, не преподают естественные науки. Но посмотрите на уровень научных знаний населения. Это КПД нашей общеобразовательной школы. Надо, чтобы передали это Фрумину обязательно, и он это использовал.

Реплика: Хорошо. Специальная сфера такого рода приложения для инклюзивных инноваций, достаточно необычная вообще для повестки дискуссии, - это моногорода. Обычно тема инклюзивных инноваций касается таких Indigenes-сообществ в развивающихся странах, очень изолированных, базирующихся на примитивных укладах. Но мы сочли, что для моногородов тема инклюзивных инноваций имеет принципиальное значение. Создание альтернативных видов занятости и самозанятости, в том числе на базе разного рода инновационных технологий, безусловно, весьма актуальная тема. На наш взгляд, без решения проблемы сглаживания социальных разрывов в отношении к инновации и доступа к инновациям можно ожидать замедления, но, скорее всего, стоит ожидать невозможность реального перехода инновационной экономике. Здесь есть несколько возможных направлений действий в плане этих социально-культурных аспектов развития инновационной сферы, которые включают разного рода инструменты поддержки инклюзивных инноваций, причем самого широкого рода. В том числе коллективный доступ к Интернету - широкие программы получения компьютерной грамотности и прочее, программы микрофинансирования, содействие безработным. Очень существенный вопрос – это субсидирование широкополосного Интернета, и, наверное,

мобильной связи в определенных регионах, которые совершенно изолированы. Это тоже повестка для экспертной группы по территориальной разобщенности. И, наконец, целый комплекс вопросов по изучению общественного восприятия инноваций, которые тоже пересекаются со многими экспертными группами. Ну, вот, собственно, я бы на этом остановился. Совсем коротко о наших дальнейших планах. Мы работаем на самом деле по всем этим вопросам. У нас есть и первые оценки расходов на развитие инновационной сферы. Мы хотим их дополнить еще некоторыми оценками потерь от продолжения неинновационного тренда. У нас есть в той или иной степени проработки пакетов инструментов по направлениям инновационной политики и по рекомендациям в плане первоочередных мер. Ближайшее событие – 31 мая у нас будет открытый семинар по инновационному мировоззрению с Евгением Кузнецовым. Далее 10 будет крайне интересный семинар с Жаном Гине по приоритетам и ключевым развилкам российской инновационной политики. Это крупнейший исследователь инновационных систем и инновационной политики. Спасибо.

Я.И.Кузьминов: Леонид Маркович, спасибо большое. Вопросы? Пожалуйста, Сергей Иванович.

С.В.Шишкин: Спасибо большое за такую интересную презентацию. Мой вопрос – это вопрос здравого смысла, и наверняка вы это обсуждали, но в презентации этого почти не прозвучало. Хорошо. Призывается к комплексной инновационной политике. То есть у нас должна возникнуть масса инновационных субъектов. Раз комплексная политика, то и все органы государства должны быть переориентированы, должны стать субъектами этой инновационной политики. Какие мотивы у них? Почему в массовом порядке все вдруг захотят это делать? Что делать, вы обозначили. Вопрос в том, почему захотят это делать? Аргументы о том, что иначе все будет плохо, подействуют на какие-то ограниченные группы бюрократии, на самый верх. На остальных – не уверен. Была ли попытка проанализировать сейчас, кто эти субъекты инноваций сейчас, что в их возможностях сделать и выстроить стратегию во времени. Например, они могут сделать это, в том числе расширить на следующем этапе это поле субъектов. Те в свою очередь смогут сделать шире. Вот так надо выстраивать тему. Потому что сейчас, когда слушаешь, это все выглядит замечательно, но такой скептицизм появляется, реально ли все это сделать, и не будем ли мы через 8 лет опять приводить соответствующие цифры с удручающими результатами?

Л.М.Гохберг: Вопрос, безусловно, ключевой, и я вам за него благодарен. Боюсь, что он относится в равной мере ко многим другим экспертным группам, и в этом смысле задавать его только мне будет странно. Мы над этим определенным образом думали. Мы пытались анализировать и выделять те группы, которые бы являлись проponentами или оппонентами тех или иных вариантов инновационной политики. Признаться, так глубоко по конкретным субъектам мы не смотрели. Если вы будете спрашивать о том, какое министерство и что должно конкретно делать, мы предложим те или иные пакеты мер, как я уже об этом говорил, но вряд ли с вариантами мотивации отдельных чиновников. Если глобально этот вопрос ставить, то сегодня есть концепция, существующая и детально обсуждаемая в течение нескольких лет. По-английски она называется *whole-of-government policy*. Она возникла применительно к сфере инновационной политики. Наше государство и правительство в частности должно быть в состоянии обеспечить вот такого рода единую политику правительства в отношении инноваций, так же, как и в отношении целого ряда других сфер. В том числе в отношении образования, рынка труда, бюджетного сектора, Если же оно не будет готово, да, мы будем и через 8 лет собираться и обсуждать деградирующие цифры. Но это вопрос к руководителям государства, вообще говоря.

И.Р.Агамирзян: Леонид Маркович, можно я добавлю немного к тому, что вы сказали? Я с вами согласен, но мне очень хотелось бы такую тематику обсуждать с точки зрения рынков, с точки зрения востребованности для экономики. Потому что государство должно, в общем-то, знать свое место и что оно может делать, а чего не может и не должно.

С точки зрения рынков, у нас, вообще говоря, мы сейчас об этом ничего не сказали, но в обсуждениях это регулярно появлялось, это все сводится к задаче максимизации прибыли. На уровне экономики страны. Примеры, на самом деле, удручающие. Мне пришлось в голову проверить соотношение эффективности капитала в разных российских компаниях, взяв выход на биржу «Яндекса», состоявшийся позавчера. Совершенно элементарный расчет по соотношению занятых в компании сотрудников к ее рыночной капитализации. Если говорить о рыночной капитализации как об ожидаемой прибыльности компании, на самом деле на рынках это общепринятый подход, то можно говорить об эффективности капитала в конкретной компании, дальше расширять на сектора экономики. Если сравнить три компании, а именно «Яндекс», «Газпром» и «Объединенную Авиастроительную корпорацию», то «Яндекс» оказывается капитально эффективнее «Газпрома» в 40 раз, а «Объединенной Авиастроительной Корпорации» в 70 раз. Если мы будем продолжать вкладываться в принципиально неэффективные сектора, максимизировать экономику с точки зрения выработки ВВП на душу населения на одного занятого в экономике ну никак не получится. Как мотивировать государственных служащих на это – это, вообще говоря, задача государства. Правительства и так далее. Понятно, что в текущей модели организации мотивационных механизмов, наверное, никто в этом не заинтересован, кроме нас самих. Потому что эти самые доходы и капитальная эффективность «Яндекса» - это то, на что мы в дальнейшем когда-то сможем жить, когда закончатся нефтяные доходы.

Я.И. Кузьминов: Пожалуйста, коллеги. Татьяна.

Т.Л. Клячко: А чего не хватает? Управленческого потенциала вообще, или технического, или кадрового, или финансового? Как оценивается почему все это не делается? Потому что, скорее всего, эта комплексная модернизация, она чем-то ресурсно ограничена. Какой ресурс является ключевым?

Мне представляется, что мы дошли до точки, когда начинаются сломы. Старые кадры провалились, вложения пошли слишком поздно. Какую точку надо наращивать? По всей видимости, даже управленческий потенциал слишком низок для того, чтобы вытащить данную сферу. Или это не так?

Л.М. Гохберг: Мне кажется, здесь ответ состоит из нескольких частей. Здесь нельзя сегодня говорить, что начинать нужно с чего-то одного. Проблема настолько глубока и системна, что двигаться нужно по нескольким направлениям одновременно, включая образование, другую науку, другие рынки и так далее. Ближе к нашему предмету, мы же говорим об инновационной политике, о рекомендациях для государства. Отсутствие квалифицированной инновационной политики и ведет к неэффективности ресурсов. При том, что они есть и их достаточно для решения определенных задач. Могло бы быть достаточно, если бы эти задачи правильно ставились и правильно решались. Поэтому я не стал бы говорить о недостаточности финансовых ресурсов сегодня.

Если выделение этих ресурсов и их рост в дальнейшем не будет обусловлен соответствующими институциональными реформами, то мне даже трудно рекомендовать дальше наращивать эти ресурсы. Мне кажется, что первый вопрос – это качество политики и качество управления ее реализацией.

Т.Л. Клячко: Леонид Маркович, а вам не кажется, что две сферы говорят на совершенно разных языках? И поэтому, даже если будет хорошая политика, она этот язык не донесет до тех, кто ее должен воспринять.

Л.М. Гохберг: Она должна стремиться этот разрыв сгладить. Такого рода разрывы существуют не только у нас. Есть страны, в которых эти разрывы были гораздо глубже и они их преодолели. Многие развивающиеся страны, у которых не было ни такого уровня развития человеческого капитала, ни ресурсов, которые были у России на старте, они преодолели. Они с Россией сегодня конкурируют, при чем весьма успешно. Либо мы ставим на всем этом крест, либо политика действительно должна стремиться закрывать эти разрывы.

И.Р.Агамирзян: Мне тоже хотелось бы добавить к этому вопросу. Я, вообще, стараюсь в такого рода анализе подходить с рыночной, экономической точки зрения. Но мне представляется, что ответ на этот вопрос лежит в политической сфере. Это вопрос политической воли и готовности идти на снятие барьеров для существования в глобальном мире. К сожалению, по моим представлениям, на сегодняшний день это в значительной мере ментально-психологический вопрос. Не достигнута критическая масса людей, понимающая невозможность существования в условиях замкнутого общества. Если угодно, советская традиция в головах еще слишком сильна. В том числе и среди лиц. Принимающих решения.

Сегодня экономическую безопасность Российской Федерации на половинчатом уровне, с одной стороны встраиваясь в глобальную экономику, потому что у нас рыночная модель и нам, вообще говоря, на чем-то надо зарабатывать деньги и зарабатывать только на внутреннем рынке невозможно. Мы являемся частью глобальной экономики. Но при этом, одновременно возводя дикое количество барьеров для ведения бизнеса, работы экономики так, как она работает во всем мире.

Я когда немного меньше года назад докладывал Президенту на комиссии по модернизации и в ряде предлагаемых мер отметил таможенное и валютное регулирование, как одни из основных тормозов для развития инновационных компаний. Дмитрий Анатольевич на это сказал, при чем в публичной части обсуждения, это пошло в эфир, что на счет таможи он согласен стопроцентно, там засада. Это та засада, которую можно только политически преодолеть, а не выработкой... До сих пор засада продолжается и не видно никакого движения к тому, чтобы эта засада прекратилась.

(вопрос без микрофона, нет звука)

И.Р.Агамирзян: Я не утверждаю, что это условие достаточное, но я абсолютно уверен в том, что это условие необходимое.

Реплика: Слайд из презентации замечательный, очень много здесь интересного, но у меня возник вопрос. Просто инновации, развитие стимулирования. Был такой слайд. Здесь пять ящичков и вы сказали «в каждом из них много-много всяких мер». Ящик один, переход к активному системному стимулированию. Дальше – адресное поощрение и так далее. Ведь все это стоит больших денег. Вы все, что у вас разработано собираетесь внедрять? Тогда есть какие-то ресурсные оценки? Потому что вы же сами говорили в начале, что ресурсы будут ограничены.

И.Р.Агамирзян: Мы сейчас пытаемся делать некоторые расчеты и пытаемся выстраивать этот инструментарий во времени. При этом есть, если хотите императивно, целый ряд вещей, которые должны быть реализованы в первоочередном режиме. При чем

реализованы системно. Есть целый ряд вещей, которые нужно делать одновременно и делать сразу, не откладывая. Если говорить о стимулировании спроса, то вопрос об инновационных закупках – ключевой. Эта тема обсуждалась в целом ряде стран, она была решена очень быстро. Обсуждать 94 ФЗ в применении к сфере науки в течение десяти лет просто смешно. Это, кстати, ответы на вопросы Сергея Владимировича и Татьяны Львовны. Скорость реформ, скорость принятия решений, на мой взгляд, имеет ключевое значение. Это быстроразвивающаяся сфера, при чем наши конкуренты движутся на порядки быстрее, чем мы. Мы все эти вопросы решаем очень долго, и, в конце концов, решаем на половину, а потом еще не отслеживаем имплементацию или имплементируем их каким-то образом негативно.

Я.И. Кузьминов: Вопросы кончились. Тогда я нагло возьму слово.

Коллеги, у меня смешанное чувство от сегодняшнего обсуждения. С одной стороны, то что представлено, есть очень подробный, очень внятный анализ того, что у нас делается в секторе, который у нас традиционно называется инновационным. С другой стороны, мы все, и авторы доклада, имеем ввиду что, конечно, инновационное поведение предприятий возникнет тогда, когда они будут существовать в режиме конкуренции. Мы это проговариваем, а все остальное – это вещи, в лучшем случае, комплементарные. Мы занимаемся комплементарными вещами, а базовое условие у нас не выполняется. Выполняется недостаточно для того, чтобы привести к инновационному поведению наших предприятий.

Я предложил бы видение, оно должно у нас с вами сформироваться, которое раскрывает это главное условие. А что нужно для того, какого рода меры, политики, выходящие за рамки узкого инновационного сектора, нужны для того, чтобы стимулировать это поведение предприятий? И соответствующее поведение населения, кстати говоря, то есть возникновение нового бизнеса.

Мне кажется, переключение фирм на инновационные проекты или превращение инновационной деятельности из затратной в прибыльную, что, на самом деле, тоже самое, потому что фирмы не занимаются благотворительностью. И, в общем, по теории, они не должны работать «из-под палки». Когда они работают «из-под палки» - это уже не фирмы. Нам нужно создать конкурентное давление на бизнес.

Какие формы этого конкурентного давления? Первое – это обеспечение нормальной доходности всех проектов, обеспечивающих сейчас сверхприбыль и оттягивающих ресурсы из других секторов. Я подчеркиваю, обеспечение нормальной доходности, то есть выработка таких экономических механизмов, чтобы изымать из сырьевого сектора, изымать из секторов, где сейчас столпился весь наш бизнес, такую долю ренты, которая оставляет им примерно ту же самую доходность, на которую они могут рассчитывать в других секторах. Это главная задача. К сожалению, у меня нет ощущения, что наша экономическая политика этим озабочена. Наши сырьевики регулярно наваливаются: «вот, нам на обновление нет, нам нужны крупнейшие инвестиции, давайте не будем повышать в очередной раз НДС и так далее. То есть, они вполне эффективно защищают свои отраслевые интересы. Пока у нас отраслевые интересы нашего сырьевого сектора будут довлеть над другими задачами экономической политики, мне кажется, что у нас одно из условий выполняться не будет.

Второе условие – это подавление рентных и коррупционных механизмов ведения бизнеса, помимо объективных проблем сверхприбыльных секторов связанных с реализацией природных рент, у нас наибольшую эффективность имеют вложения где инвестиции производятся в особые отношения с властью. Такого рода вложения оттягивают на себя ресурсы коммерческого сектора от таких нормальных проектов, то есть гораздо эффективнее купить себе условия ведения бизнеса, чем вкладываться в обновление его структуры, технологии и так далее. Это менее рискованно, это более понятно, соответственно последовательное уничтожение рентных и коррупционных механизмов

бизнеса является вторым условием перехода нашей страны на инновационные рельсы. Это прямо коррелирует с тем, чем занимается экспертная группа 1, «Новая модель роста». Мы неоднократно на ней эти вещи обсуждаем.

Третье условие – это качественное удорожание рабочей силы. Пока мы не обеспечим уровень заработной платы примерно в полтора раза выше, может быть в два раза выше, чем существующее дно заработной платы. Вы знаете как рынок труда организован – у нас где-то 80% рынка это заработные платы, колеблющиеся в секторе 80-100% средней зарплаты по региону. Средняя зарплата по региону, она опять же весьма низкая обычно, вот выдающиеся сектора, так сказать, заработной платы, сектора где люди хорошо зарабатывают своим трудом, они являются исключением, некими случайными пиками. Как советовал нам профессор Ясин, механизм такого рода удорожания можно запустить с повышения заработной платы бюджетников, который выступит триггером повышения заработной платы в экономике. Макроэкономический эффект этого будет очень значительным и будет выходить за рамки улучшения положения бюджетников.

В первую очередь, это будет мощнейшим стимулом переключения фирм на трудосберегающие технологии, соответственно начало их инновационного поведения. На сегодняшний день совершенно нет никакого интереса внедрять инновации. Потому что есть такой огромный резервуар, потенциально почти ничего не стоящий для бизнеса, рабочей силы. И соответственно трудосберегающие механизмы инновационного поведения просто у нас не включены. Их нету. Никто не задумывается над тем, чтобы ввести, например, современный механизм клининга в городах, потому что они дороже чем содержание этой рабочей силы. Никто не задумывается над тем, чтобы складскую логистику оптимизировать и вообще логистическими операциями заниматься даже организационно.

Четвертое направление – это конечно вступление в ВТО и ликвидация, так называемых «уютных» ниш. Другими словами прекращение неэффективной защиты ряда отраслей, ведущих к «полужизни» предприятий этих отраслей. «Полужизнь», я имею в виду, и нестабильное финансовое состояние. Когда у предприятий целой отрасли рентабельность не превышает 10-12%. У всех вообще, никто не выдается, это значит «полужизнь». То есть, вполне возможна такого рода базовая рентабельность, но из нее должны быть выбросы. Если из нее нет выбросов, если у нас все предприятия в таком состоянии находятся и единственный выход за эти рамки - это альянс с чиновниками, и создание себе, вот такой, уютной зоны.

Альянс с чиновниками может быть в пользу всей отрасли. Например получение доплаты к тем деньгам, которые предприятия отрасли получают на рынке. Это очень опасная ситуация. Ни к каким инновациям это вести не может, это очень плохой механизм. Вот это вот первое направление переключения фирм на инновационный проект, то есть экономическое стимулирование конкуренции.

Второе направление – это формирование креативного класса. Класса людей из которых прет, независимо от качества институтов. Связывание креативного класса в профессиональные сообщества. Формирование креативного класса – задача которую наше образование не выполняет. Оно не выполняет его в школе и оно не выполняет его в ВУЗах. У нас доля инновационно настроенных студентов в ВУЗах порядка 10%. Все остальные никогда не встречали ни одного исследователя, когда они там учились. Они вообще не понимают что такое контакт с ученым. Мне кажется, что на реформу высшего образования, на реформу средней школы, где мы должны стимулировать проектное обучение, где мы должны стимулировать постоянные олимпиады, вообще соревновательность, мы должны смотреть через задачу формирования креативного класса. Третье направление – это переключение государственной поддержки реального сектора с отдельных проектов, на гарантирование рисков. Монетарных политических рисков долгосрочных проектов. С равным доступом к этим проектам всех участников.

Четвертое – это меры государственной политики по пересаживанию в России организационной технологической рыночной культуры зарубежных фирм. Это означает создание механизмов, приглашение иностранных фирм, брендовых фирм, в те сектора, где им сейчас надо доплачивать за приход, куда они не приходят. То есть вот такое вот пересаживание культуры.

У нас в условиях отсутствия интереса прихода на наши рынки, существуют совершенно фантастические вещи типа дорожного строительства, типа эффективности складского хозяйства, транспортного хозяйства. Где у нас производительность труда отстает иногда на порядок. Совершенно понятно, что в этом отношении нам нужна такого рода политика Петра Великого, политика Екатерины Второй, когда просто ввозить людей у которых есть свои рутины, ввозить фирмы у которых есть свои рутины.

Ну вот то же самое дорожное строительство. Нужна государственная программа замещения минимум 30% объемов этого дорожного строительства в тех или иных секторах, зарубежными фирмами со всем своим технологическим циклом.

Пятое – это обеспечение доступа к публичным инновационным благам всех людей. Это сертификация, это патентная система, это бесплатная информация, научно-техническая в том числе, это доступные центры коллективного пользования. Это поддержка сетевого включения всех населенных пунктов, малых населенных пунктов, потому что если мы вложим какие-то не очень большие деньги в доплату телеком-фирмам, чтобы они обеспечивали нормальное качество, современное качество связи во всех населенных пунктах России, мы потенциально создадим возможность распространения проектов новой экономики на население этих городов, которые сейчас в общем никаких работ не имеют.

И шестое – это английский язык, широкая программа изучения английского языка. У нас 40% людей им хоть как-то владеет. Это показатель совершенно позорный для страны с высоким уровнем образования. Не надо нас с Китаем сравнивать. У нас в возрастной когорте 25-35 57% процентов людей с высшим образованием и мы не можем оставаться на 40% знающих английский язык. Это крупнейшее препятствие для того чтобы вообще озираться в мире, смотреть а где как.

Вот, коллеги, если хотите, мои реакции, то есть я очень позитивно отношусь к тому, что вы сделали, но вам нужно гораздо более широкую рамку мер брать, и гораздо более широкий взгляд на то, что есть инновационная система. То есть, нужна достройка вашей деятельности, вашего доклада, и нужно в следующем месяце организовать серьезное взаимодействие с целым рядом других групп. Потому что вы начали правильно, с того, что вы в принципе должны пронизывать все группы.

И.Р.Агамирзян: Ярослав Иванович, если вы позволите, у меня есть один вопрос, один комментарий к тому, что вы сказали. Вы начали с того, что у вас двойственное впечатление. Я не очень понял почему, потому что из всего в дальнейшем сказанного, не было ничего противоречащего тому, о чем мы говорили. Более того, некоторые вещи в явном виде присутствовали, некоторые вещи не присутствовали, но они обсуждались на группе и входят, так сказать, в более развернутые материалы.

Я.И. Кузьминов: Я имею в виду, что у меня двойственное впечатление, что вы очень хорошо представили проблемы тяготеющие к узкому пониманию инноваций и по, вот то что я вам добавил, это совершенно не противоречит тому что вы говорили. У нас я думаю идеология одна и та же.

И.Р.Агамирзян: Абсолютно

Я.И. Кузьминов: Просто вы должны изначально более широко рассматривать мандат своей группы, смело залезая в другие группы. Вы пока, все-таки, в большей степени

занимались, так называемым, традиционным инновационным сектором. У меня такое ощущение из доклада. Нам совершенно явно нужно расширять вашу тематику, тем более что я не вижу никаких противоречий в этом с вашей позицией.

И.Р.Агамирзян: Согласен, Ярослав Иванович, мы пытались найти некий баланс, в общем опасаясь быть обвиненными в том, что мы берем на себя, если угодно, мандат всей стратегии, а не конкретно тему, которая была здесь обозначена. Тем не менее, принципиально я совершенно с этим согласен, я начал с того что у нас совершенно горизонтальная деятельность которая покрывает интересы практически всех групп. Второе, я хотел все-таки прокомментировать один совершенно конкретный момент. По вопросу, связанному с рентой для сырьевых компаний. В презентации, докладе, Леонида Марковича прозвучал пункт, на который я сам прореагировал, это создание благоприятной среды для инновационных компаний, и неблагоприятной для неинновационных. Я собственно прореагировал, во время выступления Леонида Марковича, с комментарием что сейчас-то как раз с точностью до наоборот, на мой взгляд. Это как раз относится к тому, о чем Ярослав Иванович сказал, но я лично понимаю это гораздо более широко, чем просто природная рента. На самом деле, даже если не брать в расчет НДС, а посмотреть просто по структуре налогов для компаний с большой долей затрат сырья, и компаний с большой долей фонда оплаты труда, то мы видим, что сегодняшняя налоговая система построена таким образом, что рост налогов в целом при росте Фонда оплаты труда является прогрессивным. А при росте сырьевой доли – регрессивным. В результате чего, у нас в целом налоговая система, даже если откинуть вопрос НДС стимулирует низкотехнологичные сырьевые отрасли. Это очень комплексный вопрос, который должен рассматриваться гораздо более широко. Я на каком-то из обсуждений говорил вообще о том, что нужно не просто неблагоприятные, невыносимые для существования определенного класса бизнесов компаний создавать, и это тоже вопрос государственной политики. И это вопрос, еще раз подчеркиваю, к сожалению, здесь решение политического уровня.

Я.И.Кузьминов: Но наша задача – иметь дело с решениями политического уровня. Дело политиков – выбирать из наших советов, а их мы обязаны давать.

Сначала Симачев, потом Рогов, пожалуйста.

Ю.В.Симачев: Большое спасибо.

Первое, что я хотел бы сказать... В принципе, я согласен с Ярославом Ивановичем, хотя тоже принимал эпизодическое участие в этой работе. В какой части согласен? Не в части, что там слишком узкий взгляд на инновационную политику. Мне кажется, что взгляд здесь достаточно широкий. Проблема в том, что эксперты, мы в том числе, и чиновники из просветленных министерств и ведомств все время сражаются, чтобы те или иные решения сгладить, и чтобы они наносили меньший урон инновационному развитию. Это действительно так. Идет все время борьба с теми решениями, которые заведомо окажут негативный эффект для инновационного развития экономики, и мы привыкли к этому. Я согласен полностью с этим тезисом и тоже его выдвигал. Есть просто грандиозная проблема формирования стратегической повестки в отношении того, что же нужно сделать в инновационной политике. И, безусловно, на уровне этого материала к определению такой стратегической повестки – а что нужно сделать, - мы действительно пока не подошли. Это, скорее, некоторый диагноз и какие-то развилки. Я очень опасаясь, что когда мы подойдем к этой стратегической повестке, то всё опять сведется к тому, что надо развивать конкуренцию – давайте план мер по развитию конкуренции, нужно развивать это – давайте план мер.

Второе, на что хотел бы обратить внимание, и это отмечено в этой презентации – это множественность инновационных сигналов от государств. Здесь как раз политическая развилка, взять и сказать: всё, хватит. Давайте количество реализуемых мер сводить до той размерности, которую мы можем реально реализовать. Потому что всё, что делается в министерствах и ведомствах, и во взаимодействующих рядом с ними структурах – это делается в режиме 2-3 дней с возвратом потом к той же теме через полгода, через год со странным удивлением «Почему-то ничего особенно не сдвинулось с места и ничего не произошло?». И очередными нагоняями, очередной кучей поручений.... Ну, назовите хоть одну страну, где было бы такое количество первоочередных планов: по развитию, способствованию.... Ну не бывает так! Я просто задумывался, пытался что-то найти. Ну нет такого! Здесь есть, конечно, определенные резервы, мы можем сказать, что нам много чего можно делать. Но тогда нужно искать какой-то другой инструментарий. Это опять же политический выбор: по ряду вещей делегировать соответствующие права тем или иным организациям, идя на риски, что, может быть, они с этим не справятся, а, может быть, найдутся какие-то нехорошие люди. То есть работать с бизнес-ассоциациями более активно, потому что мы сейчас убедились, что инструментов, которое могло бы государство проадминистрировать применительно к среднему бизнесу нет физически. Значит, нужно это выводить на другой уровень. То же взаимодействие вузов с компаниями показало, что уровень обременения по отчетности отшибает любые нормальные компании. Надо эту проблему решать, иначе это все равно будет криво, потому что такой длительный цикл убежденности, что деньгами можно «залить» все что угодно. Они просто начинают пугать других специалистов, когда слишком они существенные. Потому что жить в такой системе отчетности, как у нас, никто не может. Значит, надо взять и дать права кому-то с очень сильным, эффективным и независимым контролем это делать вне рамок все-таки бюджетного кодекса. Это политическая развилка? Да, политическая. И повестку, состоящую буквально из 10 конкретных мер, нужно сформулировать. Для меня идеал то, что сделал Совет по конкурентоспособности США, я имею в виду, когда на одну страничку меры, причем меры в широком смысле связанные с инновационной политикой, когда включается даже параметр снизить издержки от судебного рассмотрения, споров, связанных с тем-сем до такого-то процента от ВВП. То есть очень широкое понимание. Это применительно к развитию инноваций в американской экономике: там изменение школьного образования тоже буквально одна мера очень конкретная. Было бы здорово, если бы к этому удалось прийти.

Теперь немножко назад, потому что с рядом вещей надо все равно сражаться, но не выторговывая какие-то отдельные условия для того, чтобы инновации хотя бы здесь развивались, а просто фиксируя вот эти мифы и заблуждения, которые есть. Мне кажется очень важным третий императив (мы его обсуждали), но здесь он, к сожалению, получился завуалированным – это то, что эффективная инновационная политика невозможна в сочетании с рядом элементов существующие политики. Я бы сказал, с рядом догм существующей политики. Здесь написано «Администрирование налоговых льгот» - это не из того разряда. Это проблема, ее можно потихонечку решать. Существенно больше еще проблем, вы знаете, с таможенным администрированием, с налоговым-то как раз лучше. Что я предлагал бы здесь выделить из того, что мы обсуждали?

Первое. Это то, что компания, особенно крупная находится в ситуации постоянного давления по сохранению занятости на федеральном или на региональном уровне – это известно. Мотив к применению уже каких-то инноваций, связанный с ростом производительности, исчезает. И это связано опять же с тем, что сама политика сакцентирована на выжимание чего-то полезного и социально приемлемого из

существующих компаний, и практически не ориентирована на поддержку нового бизнеса. Собственно говоря, те находки, которые были в рамках антикризисной политики и связаны были с поддержкой старта новых компаний, пусть за небольшие деньги, они оказались свернутыми после выхода из кризиса. Потому что вроде рассосалось, и уже проблемы моногородов, проблемы занятости не столь критические – компании могут на себе тянуть этот груз.

Вторая проблема, которую нужно четко ставить – это ценовое регулирование со стороны государства или ценовое давление. Что закрывает интерес к инновациям в ряде секторов? Это, прежде всего имеет отношение, например, к ценовому регулированию в области того же ТЭКа. С угрозами в отношении применения антимонопольного регулирования... Надо объяснять, что после этого этот сектор закрывается: ему неинтересно. Особенно, когда государство начинает обдумывать вариант отказа от своих ранее взятых планов по ужесточению условий на рынке. И в этом плане проигрывают те компании, которые своевременно модернизировали свои мощности на Евро-3, а те, которые не модернизировали, и так оказалось случайно, что это госкомпании, они от этого почему-то выиграют. И это очень хороший, замечательный пример для всего рынка. Какие мотивации к инновационному поведению после этого возникают – это отдельный вопрос.

Третье. Это те ограничения, опять же через давление государства, связанные со сменой поставщиков. Модернизируется компания – неизбежно у нее возникают вопросы, связанные с тем, что ей нужны поставщики. Потому что поставщики могут не модернизироваться или считать, что куда без них денутся. Но постоянный акцент на то, что всё должно обязательно остаться в национальной экономике, что, конечно же, все должны искать прежде всего национальных поставщиков, а иначе это социально неприемлемое поведение и вообще это безответственно и нехорошо – это неправильно. Особенно в машиностроении такой акцент. Потому что это просто снижает все мотивации у головников, к примеру, к модернизации. У них вообще получается нестыковка, они выпадают из технологической цепочки, если с поставщиками что-то не происходит.

Следующий момент. Контроль за инвесторами – тот, который есть. Здесь есть опять же из разряда политических решений. Отменить просто закон о контроле за инвестициями в стратегические отрасли. А зачем он возник? А кому он нужен? А что он дает? Про него уже разговоры идут несколько лет с объяснениями, что он никому не мешает, что все равно никого не ограничивает, а мы его еще улучшим, администрирование по нему будет хорошее. А зачем, если задуматься? Он кого там ограничивает, если там временами возникают даже сюжеты, связанные с проверкой инвестиций «Вимм-Билль-Данн»? Потому что они имеют дело с определенными микробами в пищевой отрасли – это тоже относится к сфере безопасности. Примерно такой был мотив высказан.

И, наконец, пятый момент. Нужно просто кардинально сокращать финансирование в тех видах, которые вбивают дополнительные клинья в те разрывы, о которых говорил Леонид Маркович. Просто смотреть по деньгам. Про какие я разрывы говорю? Наука, особенно прикладная, наверно, должна работать на бизнес. Если вы начинаете очень сильно вбивать деньги на поддержку такого рода, она уже не ориентируется на бизнес и крайне не хочет вернуться к прежнему положению. А бизнес должен работать на рынок. А если государство под тем или иным предлогом начинает покупать какую-то продукцию, говоря, что она хорошая, она замечательная, она потом понадобится, опять же ничего кроме дезориентации не происходит. Таким же образом устроена и поддержка вузов, если просто в них вкачивать деньги, но не связывать это с выходом для образовательных услуг, для рынка выпускников, то тоже эффекта не будет. Почему призыв? По-моему, ресурсы должны быть максимально консолидированы на кооперационных инструментах, если их

надо тратить. То есть, чтобы игроков было двое-трое. Собственно говоря, так и устроено, и признается за рубежом, что отдельно спрос, отдельно предложение. Стимулировать неэффективно, нужно стимулировать связи между различными игроками всеми способами – финансовыми и организационными. Нужно игроков постоянно поддерживать, риски тогда реально распределяются.

На самом деле я на этом уже закончу, потому что говорю достаточно долго. Я просто считаю, что очень важный для нас и по-видимому интересный с позиции политиков тот сюжет, о котором говорил Леонид Маркович (это по инновациях социального толка, инновациям, связанным с социальной направленностью), потому что у нас всегда социальное измерение всех этих реформ особенно чувствительно. И второе – это как сделать, как сформировать какие-то дополнительные стимулы к формированию инновационного спроса населения. Потому что опять же, пусть криво, пусть не так, но практика тех же механизмов, связанных с тем, чтобы простимулировать спрос населения на автомобили через утилизацию, но в целом, что можно определенным образом управлять, и достаточно неплохо, спросом населения, сработало. И опять же, это гораздо лучше, чем напрямую давать компаниям деньги на то, чтобы они выпускали. У нас эти инструменты очень плохо развиты. В тех же Штатах, когда речь идет про энергосбережение, про использование более перспективных, экологичных видов, эти инструменты развиты очень сильно. Я помню, что в период кризис, когда выпускались эти пакеты, их было очень много: кому, сколько доплачивается при применении такой техники, всякой техники, современной, энергосберегающей и прочей. Этот фактор формирования спроса со стороны населения очень существенный, но с теми поправками, про которые говорил Леонид Маркович, что это бедный спрос. Мне кажется, что на самом деле то, что там идет конкуренция по цене, не означает, что там при этом нет почвы для инноваций. Потому что и цена тоже основывается на инновациях. И опять же не обязательно тогда технологических, может быть на организационных. Спасибо.

Л.И.Якобсон: Спасибо. Я бы вот о чем попросил, если бы не возражали руководители группы. На самом деле то, о чем сейчас сказал Юрий Вячеславович – это же ведь не реплика. Да? На самом деле, это материал к докладу. И у меня большая просьба, конечно, есть стенограмма. Но, может быть, какие-то вещи просто дать в группу вот совершенно такие конкретные. Поскольку здесь звучали ведь не только оценки доклада. Да? А очень существенные, на мой взгляд, по крайней мере, дополнения, которые должны войти в материалы. Нам ведь достаточно скоро эти материалы представлять, второй этап. Я не обратил внимания, честно говоря, кто, хотя Ярослав Иванович назвал, кто будет следующим выступать, если честно. А, пожалуйста, да.

К.Ю.Рогов: Да. Я хотел бы продолжить вот тему межгородового взаимодействия и вообще той темы, которую поднял отчасти Ярослав Иванович. Я бы сформулировал вот тот же самый вопрос, который возник у него так. Что мы понимаем, что успех там инновационного развития зависит от, во-первых, ну, наличия некоторой деловой институциональной среды, которая создает спрос на инновации, создает наличие рыночных стимулов к инновациям и с одной стороны, и наличия политик, которые способствуют тоже такого рода развитию. Политики мы обычно описываем операционно очень – надо сделать то, надо сделать это, не делать этого. Про институциональную среду, про деловую среду обычно 2-3 фразы, значит, вот должен быть там деловой климат, должна быть конкуренция. Насколько я понимаю, вот Ярослав Иванович призвал тоже операционализировать эту проблематику. И со своей позиции, позиции значит, группы №1 у меня возник такой вопрос, не знаю, просьба, предложение: можно ли как-то описать, я понимаю, что операционализация проблемы институтов - это не компетенция группы. Да? Но можно ли как-то с позиции группы, ее интересов, описать, индикаторы какие-то

попробовать выстроить некоторого минимального уровня, минимальных институциональных требований, которые создадут необходимый рыночный спрос на инновации, при которых все описываемые политики и будут иметь какой-то эффект? Да? Может быть это можно сделать за счет межстрановых сопоставлений, например, ну какого-то, есть разные методики оценки институционального развития оценки конкуренции в разных странах. И посмотреть на линейки как коррелируют уровни инновационного развития и институционального развития. Не знаю, ну какую-то рамку для описания минимальных требований институциональных для того, чтобы, значит, вот все дальнейшее происходило и имело смысл.

Л.И.Якобсон: Хотя это и звучало как вопрос, но на самом деле это высказывание. У руководителей, у докладчиков будет возможность в конце нашего заседания откликнуться на все комментарии, а сейчас, пожалуйста, кто еще хотел бы выступить? Неужели никто? Все подавлены масштабом проблемы. Итак, пожалуйста, и по сюжетам общего характера, и может быть, по каким-то более частным сюжетам давайте высказываться. А я пока высказал бы вот какое соображение в наш общий адрес. Мне тоже представляется после сегодняшнего доклада и той части обсуждения, которая состоялась, просто убежден, что группа, о которой мы говорим, должна быть одной из сводных. И мне думается, что вне очереди нам надо провести совместное заседание этой группы с группой №1 и группой Яковлева, группой по институтам. Потому что, когда мы, ну группа №1 по естественным соображениям, скорее, ну скажем так там макроэкономический акцент неизбежен, причем традиционный макроэкономический акцент. А наш традиционный макроэкономический акцент – это минфиновский акцент. Для меня это не ругательство, это ну так сложилось, и многие из присутствующих понимают, почему так сложилось. Но сбалансированный взгляд на макроэкономическую перспективу возможен лишь с учетом инновационного тренда, причем я не скажу реально существующего, а некоего желательного инновационного тренда. И вместе с тем, конечно, с учетом той институциональной базы, на которой это все должно совершаться. Мне кажется, мы очень даже созрели для такого совместного заседания, давайте о нем подумаем. А сейчас еще раз я обращаюсь к присутствующим. Я понимаю, что здесь нас сегодня меньше, чем должно было быть, учитывая и важность темы, и то, насколько интересный доклад. Но все-таки вот кто хотел бы выступить? Молчание. Ну, все подавлены тем, что нам нельзя модернизироваться. Тогда я скажу несколько слов вот о чем. Я не готовился выступать по этой теме, при этом мне, хочу подчеркнуть, я, естественно, и до этого заседания рассматривал ее как ключевую. Мне очень понравилась презентация. Ну, я здесь только могу повторить слова Ярослава Ивановича - это не упрек в адрес группы, в адрес руководителей и докладчиков. Это наоборот констатация потенциала не до конца реализованного. Да? Надо расширяться, надо кооперироваться. И вот уж не могу не сказать, что вчера, причем не в первый раз, мы с Ярославом Ивановичем обсуждали вот какой вопрос. Много довольно интересных отраслевых решений в наших группах, и как-то вот не выходим мы пока на единую стратегию. И при этом, вроде как, вот эту единую стратегию, хотя о ней и говорят, но не очень нас ждут. Я уж так откровенно скажу. Вот отраслевых улучшений ждут, ну, по нашим контактам это хорошо видно. Да? Вот, что сделать здесь, что здесь, как это ведомство бы улучшило свою работу. Очень не простая ситуация, это понятно. Я в очередной раз хочу констатировать, мы сейчас не в том положении, в котором были, например, при написании программы Грефа. Ни почему-либо, я не об идеологических каких-то моментах говорю, а о том, что ну, пришла новая власть, с новой страницы давайте что-то делать. Сейчас мы должны вписать наши предложения, или скажем так, от нас ожидают вписывание наших предложений в некую инерцию. При чем не столько инерцию опять же идеологическую или там еще какую-то, там политическую, в инерцию административную, в инерцию работы конкретных ведомств, конкретных людей. Да? И мне вот лично кажется, я тоже не впервые об этом говорю, но впервые, наверное, в этой

аудитории, мы привыкли говорить о том, что вот реформы они не идут, потому что социально болезненны. Вот помните, когда-то Греф, там, лет 5 уже назад сказал: «Запас популярных реформ мы исчерпали». Это правда. Это по-прежнему, правда. Но сейчас на нее наложилась другая, еще более мрачная тяжелая, правда. Мы исчерпали запас реформ неболезненных для тех, кому мы адресуем свои предложения. Вот такова ситуация. И инноваций это касается более всего ровно потому, что инновации – это слом инерции. Вот собственно и все. Но мне думается, что как раз выход на общую стратегию и должен быть связан с тем, и сегодня это звучало, что модернизационный рывок, о котором все говорят, все согласны, он нам нужен, иногда даже так очень алармистски говорят «мы там без этого все помрем, там, медным тазом накроемся». Я на самом деле не думаю, что так уж совсем накроемся. Вот, да. Вот, ну как бы то ни было, все хотят. Да? Что этот рывок не может быть осуществлен государством. Вот это очень важно. На самом деле ведь сейчас две линии конкурируют. И опять же они вовсе не идеологические, хотя идеологические корреляты имеют. Линия модернизационного рывка.. да?...линия множества сколковых, я уже не знаю, как сказать. Да? Вот государство решило, собрало там, построило, заставило, простимулировало даже. Да? И линия другая: дайте работать, не мешайте. Дайте работать бизнесу, дайте работать ученым, дайте работать НКО. Все они, каждый в отдельности умнее и инновационнее государства, а уж вместе-то. Да? И вот в первом случае понятно, что в логике работы министерства вот что здесь улучшить, что там, может быть даже замахнуться на то, чтоб кадры поменять. И тоже есть разногласия – то ли беречь эти кадры, то ли там менять. Но мы видим и из сегодняшнего доклада, из много другого, из того, что делается в социальных группах наших. Да и, в общем, и так понятно в экспертном сообществе. Наверное, самое главное, ...наверное, от меня это странно слышать, я, тут многие знают, я ведь не либерал по убеждениям, отнюдь. И я очень много занимался и занимаюсь сюжетами госуправления и дальше ими буду заниматься. Но сегодня главная стратегическая позиция – дать возможность работать, не мешать инициативе в самых разных областях. А отсюда мостик к тому, что социальные группы наши делают, это вот не раз Ярослав Иванович на это делал акцент. Социальная политика не только для слабых. Слабых не забывать. Но это точно так же как вот больнице нужна, дом престарелых нужен, но социальная политика, ориентированная на активных. Да? Социальная политика для среднего класса. Это не значит, что основные средства сюда. Да? Ну, вот дом престарелых у нас большой, ну потому что у нас демография такая. Он и будет большим. Но на острие социальной политики то, что нужно среднему классу в образовании, в охране здоровья. Это другой взгляд на вещи. А ему не нужно, чтобы его опекали опять же. Ему нужны условия для его саморазвития. Вот мне кажется, что мы в принципе, это тема не только этой группы, но эта группа, она здесь неизбежно на острие. Да? Неизбежно в авангарде. Движение к той стратегии, которую мы, как мне кажется, вот даже не очень хотим предложить, потому что мы понимаем, ну вот мы ж понимаем, те, кто напрямую-то взаимодействует с Правительством, с самыми лучшими, с самыми симпатичными людьми там. Но не очень они такое ждут. Они конкретных улучшений. Об этом Юрий Вячеславович сейчас говорил. Да, вот таких или других улучшений. Мы их тоже должны предложить, мы их предложим. Но мы вольно или невольно выходим на более широкий стратегический взгляд. Ну, и уж раз я взял слово, заполняя паузу, я хочу поспорить с одним утверждением Ярослава Ивановича. На самом деле утверждением Евгения Григорьевича, на которое он ссылаясь. Вот про низкую там зарплату, надо повысить. Я это все не раз обсуждал с Евгением Григорьевичем, в том числе там и один на один, я понимаю все эти аргументы, но два слова скажу, потому что они имеют прямое отношение к тому, о чем мы сегодня говорим и том, о чем я только что говорил. Я извиняюсь, вот так затянул свою реплику. Понимаете, это конечно верно, что у нас там, в целом, если говорить о средней температуре по больнице, там с зарплатой все не хорошо. Но не надо забывать о том, что огромная часть наших трудящихся, и, прежде всего бюджетников, создают отрицательную добавленную стоимость. И вот когда мы с

Евгением Григорьевичем эту тему обсуждаем, Евгений Григорьевич-то он хорошо понимает, что вообще это, что называется, не по производительности он предлагает, ну у него там другие соображения, соображения инфляционного перераспределения ренты на самом деле за этим стоят. Но извините, или эта рента будет опорой движения вперед. Да? Вот ее нельзя дважды использовать. Если хилым, слабым и убогим отдать, то тогда вот это не получится. Здесь действительно основная политическая развилка, если так уж всерьез. Да? Ну, на самом деле, вот я ж преподаю экономику общественного сектора. Там в самом начале любой студент узнает, но потом ему объясняют, что все не так просто, тут не такое противоречие, но в самом начале узнает, что или равенство или эффективность. Да? На самом деле в реальной политике все сложнее и не так драматично. Но вот здесь это просто обнажено. Да? Я хочу напомнить известный тезис кузнеца. Значит, вот быстрое движение, усиление дифференциации. У нас поэтому, когда мы говорим, что у нас усилилась дифференциация за предкризисный период быстрых темпов роста. Если соотнести с тем, что в мире делалось при таких темпах роста, ясно, что сильнейшее торможение увеличения дифференциации. Наверное, это было справедливо. Да? Но мы работали про...но не мы, Правительство работало против течения. Наверное, это было политически оправдано. Но это одна из причин, почему модернизация-то не шла. И не идет. Вот здесь еще раз. Мы вряд ли можем Правительству рекомендовать, знаете, идите там, на людоедские меры. Кто силен, тот получает, кто не силен, тот выпадает в осадок. Но мы должны видеть эту ситуацию и, не скрывая ее, демонстрировать такой, как она есть. Здесь есть реальное противоречие. Можно всем повысить зарплату, но это будет означать, что как бы вот ну зарплату-то за счет ренты мы повышаем, и эта рента не станет ресурсной основой той самой модернизации, о которой мы говорим. Я сейчас в двух словах то, что здесь было, поскольку дальше будет Ярослав Иванович вести. Ну, было очень подробное выступление Юрия Вячеславовича. И я его, естественно, не в состоянии пересказать и не предлагаю, чтобы сам Юрий Вячеславович его пересказывал. Но я призвал к тому... да, призвал к тому, давайте мы это зафиксируем, что Юрий Вячеславович все-таки некие вещи, это, были не оценочные суждения, это было просто ну вот некое мясо для доклада, что он его представит и, как я понимаю, руководители не против инкорпорировать. Был вопрос, заданный Кириллом Юрьевичем, я его тоже не буду сейчас, наверное, воспроизводить, потому что на него, я надеюсь, будет ответ. И была моя реплика, которую я хочу, которую я хочу предельно коротко воспроизвести. Я думаю, что нам нужно в ближайшее время провести заседание совместное этой группы, группы макроэкономической и группы Яковлева, группы по институтам. Потому что мы действительно выходим на более широкую проблематику. И то, что мы называем новой моделью роста, не есть тема макроэкономики в узком смысле. Да? А есть, ну скажем так, вклад этой группы в данную тему, может и должен быть не меньше, чем группы №1. И, может быть, тогда мы выходим на какой-то контур стратегии в целом, ее экономической части. А вот в социальной части, мне думается, ну я об этом уже говорил прежде, собственно об этом больше Ярослав Иванович говорил, о чем я упоминал, в социальной части это ставка на активных, ориентация на активных, и в этой связи вот я как бы, соглашаясь с остальными вашими тезисами, соглашаясь с тезисом вашим и Евгения Григорьевича, ну об этом тоже вы знаете, о том, что надо там всем повышать зарплату или средний уровень, нет такой проблемы. То есть, она есть как социальная проблема, но люди, которые создают отрицательную добавленную стоимость, да, их надо кормить, но оснований направлять ограниченные средства на то, чтобы кормить их уж очень щедро не...

Я.И.Кузьминов: Лев Ильич, я все-таки не предлагал всем повышать зарплату. Я сказал, что нужно обеспечить резкое повышение заработной платы бюджетников. Это не значит, что мы всем бюджетникам, в том количестве, в котором они у нас есть, и с тем качеством работы, которое есть, будем повышать зарплату. Я считаю их увольнять надо. Речь идет о

том, чтобы запустить процесс 5-летний, в течение которого, у нас, например, в том или ином бюджетном секторе останется 70% от существующих штатов. На 30% они будут обновлены. И там, в 1,8 раз будет повышена их относительная заработная плата относительно средней по региону. Вот о чем идет речь. Но я думаю, что мы можем, конечно, рассмотреть, вот Татьяна Львовна, Борис Львович, они в рамках своей группы могут такого рода сценарий отработать. Эффект «разом всем» он тоже даст результат, он тоже даст результат, но вот это как одну из траекторий наиболее простую кстати для исполнения для государства, прямо скажем, тоже отработать и посмотреть, а как моделировать поведение в этом случае, риски просчитать. Разом всем, селективность нулевой суммы, селективный повышающий втягивающий такой сценарий. Есть несколько сценариев повышения заработной платы бюджетников. Так, коллеги, кто-то еще хотел бы? Тогда я думаю, что мы поблагодарим всех участников

Реплика: ...надо дать возможность ответить докладчикам.

Я.И.Кузьминов: А я думал, что они уже отвечали.

Реплика: Нет.

Я.И.Кузьминов: Ну, тогда давайте, последнее слово для оправданий предоставляется докладчикам.

Л.М.Гохберг: Да, я, во-первых, хотел коллег поблагодарить и за очень качественные вопросы, и за рекомендации разного рода. И хотел бы буквально несколько вещей специально заметить. Во-первых, мы, конечно, с самого начала понимали и об этом мы оба говорили о горизонтальном характере нашей тематики и о самых тесных пересечениях с большим количеством других экспертных групп. Более того, многие вопросы, которые вот здесь дополнительно обсуждались такого более глобального характера, чем инновационная сфера в узком смысле слова, у нас не только поставлен, я специально на них не останавливался, потому что иначе бы этот доклад длился очень долго, и пересекался бы со всей тематикой экспертных групп. Они вот здесь даже на этом слайде перечислены: и конкуренция, и макроэкономика, и прочее, и благоприятный климат для инвестиций. И у нас многие конкретные направления реализации этих мер прописаны. Они, ну в 90%-ой степени совпадают с тем, что Ярослав Иванович говорил и Юрий Вячеславович. В чем мне кажется серьезная проблема вот уже этого этапа работы экспертных групп, она заключается в том, что я говорю, наверное, от нашего имени с Игорем Рубеновичем, не знаю, как другие коллеги, согласятся ли с этим. Мне кажется, у нас сегодня пока нет единого видения собственно того, какой Россия должна быть в 2020 году. Исходя из этого, какое место, те или иные политики будут занимать в этой стратегии. То есть, первый вопрос, это видение, если говорить уж совсем, так сказать, прагматично. Второй вопрос тогда, это структура этого сводного доклада, где будет понятно уже разделы, которые отводятся и место, которое отводится той или иной экспертной группе. И последний вопрос, принципиально важный, это тональность дискуссии, тональность рекомендаций. Потому что в том, что вот сейчас здесь обсуждалось, по итогам наших презентаций с Игорем Рубеновичем. Вообще говоря, разброс вариантов очень большой. От такой радикальной стратегической повестки до отдельных улучшений в отдельных ведомствах, о чем Юрий Вячеславович говорил.

Ю.В.Симачев: Я за радикальную повестку выступал.

Л.М.Гохберг: Нет, нет. Ну, ты говорил о том, что нужны конкретные рекомендации и где, чего конкретно улучшить по отдельным конкретным сюжетам тех или иных ведомств. Ну, не важно, короче говоря...

Ю.В.Симачев: Я сказал, что нужны 10 очень конкретных мер.

Л.М.Гохберг: Но 10 очень конкретных, самого широкого профиля, о чем ты там сказал. Реформа школьного образования. Это очень конкретно, но это...это... гигантская сфера. Да?

Ю.В.Симачев: Я имел в виду, что меры конкретные. Но в широкой области.

Л.М.Гохберг: Хорошо, не отвергая ничего, я просто хочу сказать вот о чем. Не понятно, ну вот сейчас Лев Ильич говорил об этом, не понятно чего от нас ждут в таком случае. Вот те встречи с некоторыми высокими руководителями, которые у нас были, тоже достаточно противоречивую картину создают. Значит, с одной стороны нам было сказано, а кому вы собственно вот эти предложения несете? Тем же самым людям, которые ничего не делали в течение предыдущих 10 лет? Или там другой вариант. Давайте не предлагать ничего радикального, а вот какие-то такие отдельные улучшения рассмотрим. А третий вариант: давайте все поменяем и назовите сегодня вот то, что надо делать в апреле, начинать делать в апреле 2012 года. В совершенно другой радикальной повестке. Короче говоря, мне кажется, мы должны сейчас договориться, потому что мы подходим, мы уже преодолели середину пути, наверное. Написано очень много разных текстов, достаточно детальных уже. Мне кажется, теперь надо договориться о синтезе. Спасибо.

Я.И.Кузьминов: Можно я Леониду Марковичу отвечу? Леонид Маркович, я просто хочу ответить вам, на ваш вопрос. Вот мне сейчас принесли подарок, который имеет для нас прообразовательный смысл, вообще для всей нашей работы. Как видите, это что-то типа телескопа или подзорная труба. Вот. Во-первых, его принесли без ножки, поэтому опираться не на что, придется самим. Да? Второе, но здесь совершенно понятно, что здесь простейшая вещь, для того, чтобы в него смотреть, надо не забыть, надо снять крышку. Во-вторых, когда ты снимаешь крышку, все равно ни хрена не видно.

Реплика: А вы с другой стороны посмотрите.

Я.И.Кузьминов: Вот. С другой стороны, может Леонид Маркович посмотреть, ну вы форсайтом занимались.

Реплика: Как ни крути – в, общем, вещь бесполезная.

Я.И.Кузьминов: Но какая красивая! Хочется, вот берешь в руки, понимаешь – вещь! Я ее даже сюда принес. Вот так и о нас. Так, пожалуйста.

И.Р.Агамирзян: Спасибо большое. На самом деле полностью присоединяюсь к тому, что было сказано Леонидом Марковичем. Я бы хотел в каком-то смысле еще в большей степени заострить вопрос. И в определенной степени для меня это было навеяно тем, что Юрий Вячеславович там произнес в своем выступлении слово «догма». Вот у нас действительно, вот существует на психологическом ментальном уровне некий набор таких вот, ну, совершенно непоколебимых представлений, о которых мы в результате даже боимся заикнуться. Я все время боролся, так сказать, с преодолением, боролся с самоцензурой, которая у нас возникала непрерывно. При этом, на самом деле, я прекрасно понимаю, что на еще более высоком уровне, мы, тем не менее, эту самоцензуру

осуществили просто потому, что ну вот есть такие вещи, которые представляются на самом деле необходимыми, но о которых даже заикнуться страшно. Ну, я могу несколько примеров там привести из совершенно конкретных областей. Например, известно, что континентальное право – антиинновационно. Но в России традиция континентального права, заимствованная с Петровских времен настолько сильная, что вот даже не понятно, как сказать о том, и как вообще технически построить процесс перехода на прецедентное право. Хотя, на мой взгляд, это является абсолютно необязательным условием для экономического развития страны в целом, а не только, так сказать, роста, базирующегося на инновациях. Это одна сторона. Есть совершенно конкретные модели, если угодно, там кривизны налоговой политики, опять таки сформировавшейся исторически и настолько давней традиции имеющей, что непонятно, как об этом говорить. Например, совершенно очевидная тема о мотивациях, связанная с пропорциональностью налогов на предприятия и на физических лиц. Мы всем хвастаемся всегда тем, что у нас самый низкий НДС среди развитых стран. Но при этом, на самом деле, мы все прекрасно знаем, что суммарно налоговая нагрузка у нас, мягко говоря, не среди лидеров. Просто за счет того, что совершенно иначе структурированы и распределены налоги. Понимаете? При этом известно, что к экономической активности людей стимулирует понимание того, сколько они реально отдают. А у нас даже вопрос о том, чтобы, наконец, перенести функцию налогового агента с предприятия на гражданина, он, в общем, толком-то никак не обсуждается. Да? Там, третий вопрос. Структура доходов бюджета. Ну, я не знаю, по моему, довольно общеизвестный факт, что у нас в структуре доходов бюджета почти 50 на 50 там с какими-то отклонениями, это все время варьируется немножко, но, в общем, примерно половину бюджета составляют налоги, а половину таможенные платежи. Правильно? Так вот, на самом деле, это абсолютно неестественная модель, кстати говоря, очевидным образом сильно препятствующая открытиям рынка в США. Если я правильно помню, таможенные платежи составляют меньше 1% всех доходов бюджета.

Л.М.Гохберг: Это платежи за услуги таможи

И.Р.Агамирзян: Да причем это действительно, это не есть в нашем смысле, это не сборы, а платежи за услуги таможи. Вот этот вопрос совершенно не ставился, а он является тоже не менее фундаментальным. Понимаете? Если честно, я это сейчас все говорю для того, чтобы поставить перед всеми нами вопрос: до какого уровня вот таких вот фундаментальных вопросов мы готовы, можем, и, если угодно, имеем право идти? Потому что можно забираться на уровни еще более высокие, когда возникают проблемы культурные, гуманитарные и так далее и тому подобное. Но понятно, что в прямую на деятельность Правительства транслировать очень сложно. Но самое главное, мы получаем разные сигналы с разных уровней и нигде не определился, я думаю, что это ситуация не только в нашей группе, она должна быть выражена не в меньшей степени в первой группе. Нигде не определился уровень возможности постановки стратегических задач, связанных с существующими традициями и догматами практики существования нашего государства.

Л.М. Гохберг: Я хотел бы добавить буквально одно слово. Если к тому, о чем говорил Игорь Рубенович, говоря о глобальных, ключевых развилках, добавить вопросы, в терминологии Ярослава Ивановича, инновационной сферы в узком смысле. Один очень крупный руководитель мне сказал: «тема переключения поддержки с авиастроения и других советских секторов в пользу новых рынков и прочее, поддержана не будет n-ным количеством людей». Другой мне сказал, что он не поддержит тему комплексной реформы госсектора науки, понятно, что за этим стоит. И еще целый ряд таких вещей были сказаны нам заранее. Если все эти ограничения сложить, то мы сойдемся на запуске минимальных новых проектов с одной стороны, а с другой стороны на простейших

административных решениях: давайте сократим отчетность где-то для кого-то, давайте еще что-то где-то подвинтим.

Вопрос у меня, честно говоря, к руководителям этой экспертной деятельности о стратегии нашего поведения и «коридоре возможностей» для этих рекомендаций. Писать очередной раз «в стол», честно говоря, не хочется.

Я.И. Кузьминов: Леонид Маркович, во-первых, мы не пишем «в стол». Наша деятельность носит публичный характер, и я не вижу никаких оснований для того, чтобы мы скрывали свои рекомендации. Относительно ограничений – мы много раз о них говорили. Они сохранились теми же, которые есть. У нас есть ограничения «слева» - это инфляционное финансирование обязательств бюджета. У нас есть ограничение «справа» - это не срезание достигнутого уровня социальной поддержки незащищенных групп населения. И все. Принятие во внимание позиции конкретного лица, которое, может быть, не поддержит реформу Академии Наук, или конкретного лица, которое не даст нам не поддерживать авиастроение, мне кажется, к такого рода ограничениям не относится. Мы с вами задаем пучок альтернатив и делаем публичным этот пучок альтернатив, говорим о цене каждой альтернативы. После этого наступает время политиков выбирать из этих альтернатив, но это будет их выбор, а не наш. Мы с вами эксперты и мы обязаны говорить неприятные вещи. Мы обязаны давать те рекомендации, которые в рамках заданных нами допустимых возможностей стратегии высказаны.

Я, честно говоря, не очень понимаю, что значит «работать в стол». Значит «не работать в стол» - это предугадывать чего начальство хочет? Получается вот такая логика.

Начальство чаще всего хочет, чтобы страна благоденствовала, желательно под его, начальства, руководством. Вот главное желание начальства и поддержка конкретной отрасли туда, обычно, главным приоритетом не входит. Для начальства это такое же обстоятельство, как и для нас с вами. Давайте не создавать себе фантомов.

Л.М. Гохберг: Можно реплику и предложение. Оно у меня сейчас созрело и тоже, наверное, не случайно это произошло при обсуждении именно этой темы. Хотя, относится ко многим другим. Опять повторяю, я об этом говорил.

Это естественно, тема инноваций – она вообще всякие инерции опрокидывает, значит самая некомфортная. Мы, конечно, с аналогичной проблемой сталкиваемся в работе любых групп. Я не имею ввиду проблему, что кто-то косо посмотрит. Здесь мы с самого начала заняли очень четкую позицию и другой не могли занять. Ну и пусть косо посмотрят, ну и пусть. Я имею ввиду другую проблему, о которой Игорь Рубенович говорил. Есть какие-то ограничения, на которые покушаться не то чтобы страшно, а нереалистично. Ну, допустим, у нас континентальное право. Никто из-за того, что мы сегодня напишем на прецедентное его не заменит. Но что я по отношению к вот таким, кажущимся вообще не подлежащим прикосновению ограничениям бы сделал? А они в работе очень многих групп возникают. Знаете о чем давайте писать, вот договоримся и начнем с этой группы? О том, что в данной области, в разных областях, такие-то сравнительные преимущества имеют наши конкуренты. Это не есть наша рекомендация, что завтра прецедентное права. Но мы должны понимать, что конкурируя в области инноваций с теми, у кого прецедентное право, мы имеем дело с гандикапом и должны давать ассиметричный ответ. То есть точно, даже если будем делать – будем делать меньше, чем они. Но даже если будем делать все, что они – все равно не догоним. Значит нужно, ну понимаете? И это правильная, честная позиция, потому что действительно – мы эксперты. Не от нас зависит, будет революция, не будет. Кто-то хочет, кто-то не хочет, но мы должны понимать, в каком мире мы живем, потому что когда мы объявили, что будем с кем-то там соревноваться в области инноваций, мы должны понимать, с чем мы соревнуемся, а не только с кем.

Я.И. Кузьминов: Да. Это к вопросу о том, что мы часто сообщаем, что у Петрова длинные ноги и я могу победить его в прыжках в длину, только если мне приделают моторчик.

Л.М. Гохберг: ... честная позиция, потому что начальники все время, ну, понятно.

Я.И. Кузьминов: Коллеги, я всех благодарю. Не забывайте, что каждый четверг, в 10 часов утра у нас проходит такой семинар. И ученые секретари экспертных групп должны сообщить своим руководителям, что мы ждем не только вас, но я очень рад, что вы здесь, но и ваших руководителей. Одно дело, когда человек в командировке – это вещь неизбежная, а другое дело, когда руководитель экспертной группы считает, что это не его приоритет, на такого рода совещаниях присутствовать. Мне кажется, что это ошибка, и мы ее должны исправлять. Спасибо.